

Приходовская Татьяна Михайловна.

Автобиография.

ГЛАВА 1. ПРЕДИСЛОВИЕ

МАМА

Прабабка Иванова, старшая Матрёна, моя бабушка – воспитала своих младших (10 детей), прадед Зеленский Василий – женитьба бабушки и дедушки; лишение деда Алексея наследства за женитьбу на бедной Матрёне. Дети: Николай, Дмитрий, Нина, Анна, Михаил. Обычай в семье. Детство моей матери (Анны): Анька-драчка, каша соседки тёти Мили, семечки на выторгованные деньги, туфли вместо картошки, школа, отличница, семилетку закончила в 1939 году, получив по всем предметам оценки «видминно», т.е. «отлично»! Артек, В том же году поступила в химико-технологический техникум, окончить который помешала война. Война, оккупация (пряталась в подполе), а когда Красная Армия освободила Шостку, мама пошла добровольцем на фронт. После строевой подготовки и обучения, была зачислена в действующую армию. Стояла при бомбёжке: меньше места занимаю, смех при опасности, сон полковника при бомбёжке. Встреча с мужем. Служила в войсках ИПТАП 11-го танкового корпуса: наступали через Варшаву на Берлин, форсировали Вислу, Одер. 2 мая 1945 года были уже в Берлине. С августа 1943 по сентябрь 1945 г. проходила службу в рядах Советской Армии. Уволена в запас по общей мобилизации в звании ефрейтор.

ПАПА

Дед Лазарь и бабушка Софья Моисеевна, детство, школа (2 класс сразу, редактор общешкольной газеты, стихи, рисунки), Харьковское танковое

училище: лейтенант, не прошедший мед комиссию и не получивший звания, комиссован по состоянию здоровья, сердце).

Война. Гвардии рядовой – ИПТАП – поминки после попадания между гусеницами танка – возрождение на поминках. Вступление в партию, восхождение от рядового до майора, отвага «бабки». Встреча с моей мамой (машинистка при штабе) на фронте, «обмен» мамы на трофейный студебеккер. Майор и его ординарец. Случай на поле, бомбардируемом врагом, когда отец приказывал маме идти обратно, она: ага, обратно-то мне одной идти, боюсь, а туда – с тобой, вдвоём не страшно! Заехали втроём с шофёром ночью по ошибке в расположение фашистов и решили на ночь укладываться, а когда поняли, где они – удирали на машине под выстрелами! Удрали. Награды, они в Берлине были уже 5 мая, Победа! Жизнь в Германии, военная служба: ложа в театре, парикмахер, учитель немецкого, личный шофёр, домработница, 2 машины, поездки на фабрику за материей для нарядов, фрау майор-супермодница, квартира, беременность, фото с куклой, которую её мать за дочь приняла,

РОЖДЕНИЕ СЫНА. Отец: «это мой ребёнок, а следующий – твой будет». Сложная политическая обстановка в Германии. Отец хотел отправить маму в Шостку, но мать отвезла 10-месячного Валеру в Шостку к бабушке, Валера у бабушки. Мама вернулась к мужу, убеждая его демобилизоваться. Демобилизация отца (он – военный от бога) в 1948 году и отъезд на Родину. Привезённые из Германии материальные ценности – покупка дома: нелёгкий быт (2 ведра с водой от отца, а мать до этого ещё 10 вёдер принесла). Работа матери на фабрике киноплёнки. Отец поехал учиться в Харьков на деньги, полученные от продажи части золотых украшений, привезённых из Германии. Но деньги кончаются, а он – возвращается в Шостку...

Желтуха у Валеры и бабушка излечивает его, пошептав на жжённый сахар и дав его съесть Валерке. Новая беременность мамы. На 9-м месяце она бегала, поддерживая двухколёсный велосипед Валеры, уча его кататься.

РОЖДЕНИЕ ДОЧЕРИ. Отец: рыжая, курносая – как ты! Это тоже мой ребёнок, а уже следующий – твой будет! Молодая картошка, которую бабушка принесла маме в роддом. Я и бабушка Матрёна Васильевна. Дедушка Лазарь – завлечение в Барнаул. Переезд. Жизнь в Барнауле в трёхкомнатной квартире со свекровью, свёкром, золовкой Зиной и её сыном Виталькой и мужем Лёней, конфликты. Мы с мамой поехали в Сталино (Донецк) (Валера остался в Барнауле), жизнь там вместе с тётёй Ниной и Валей, варёные раки, падение моего рака за балкон 2-го этажа, слёзы, чтобы вернули, достали мне моего рака (мне 1 год и 8 месяцев). Возвращение в Барнаул. Искусственные попугайчики – однажды взяв их в руки, ощутив их хрупкость и податливость, я ощутила неестественное их несопротивление мне, ощущение смерти, страх. Больше я никогда не могла взять их в руки... 12 Кубиков с картинками «кошкин дом», я их выкладывала и в день нашего с мамой переезда в барак. Очень интересно было перевернуть коробку, куда сложила одну картинку, а на другой стороне – получается новая картинка. А если переворачивать по 3 или по 4 сразу, то получаем ещё новую целую картинку! Это было волшебное превращение! В то время мой братик научил меня играть в шахматы. Видимо, чтобы мне было интересно играть – он часто поддавался. И я выигрывала. Но когда проигрывала – мне это было как-то нестерпимо обидно, казалось, что это какая-то случайность, что я могла ведь выиграть! И я зло хлопала рукой по доске, сбрасывая с неё шахматы, и когда Валерка пытался заставить меня собирать то, что я разбросала – я со словами: «сам убирай!» покидала место боя. Почему-то я считала, что всегда и во всём должна всех побеждать! И поражения, любые, - меня очень и очень сильно ранили, доставляя душевную боль. Это было с самого раннего детства, хоть позже я научилась принимать и поражения.

Какой-то бойцовский дух во мне присутствовал с рождения и до моей болезни, когда я 2 года валялась в больницах с больным сердцем. Те два года боли меня изменили, сделали мудрее, что ли, давая понять, что поражение может быть трамплином к новым победам... но это – позже. А пока отец мой учится на литфаке в пединституте, мама – домохозяйка, отец ревнует её очень и не хочет, чтобы она работала, так как в о всех коллективах есть мужчины, и отцу казалось, что, конечно, они будут симпатизировать маме... ревнивец. Изменял ли он сам маме и переносил свои измены на её счёт? Не знаю, но только мама нашла какие-то любовные стихи, адресованные не ей, а кому-то другому... Ссоры, подозрение в измене отца из-за его любовных стихов, посвящённых не маме, а другой, драка – меня отшвырнул отец, мать сняла побои, суд, развод. Жизнь в бараке. Машинистка в БСУ (барнаульское строительное управление). Как-то мама услышала по радио на работе, что коровам построен новый тёплый коровник и коровы обеспечены кормами до самой весны, сказала вслух: «И почему я не корова, а то и обо мне бы так заботились!». Кто-то услышал, куда-то передали эти слова, и маму вызвали в очень важную организацию, провели с ней беседу, а напоследок, отправляя её домой, сказали: «Если бы не ваши дети – мы бы вас посадили»... гуманизм... Сейчас-то, при так называемой демократии, детьми шантажируют, типа: детей отберут соцслужбы; детей воруют, насилуют, убивают... А в то, якобы жёсткое время, благодаря детям – наказание смягчали, а не то, чтобы у живой матери детей отбирать... Смотрю сейчас по ТВ передачи о том, как у матерей детей отбирают, вырывая из рук, а дети плачут, кричат, ручонками к матери тянутся и поражаюсь, как эти кадры похожи на кадры военной хроники, в которой показывают, как у женщин, привезённых фашистами в концлагерь, отбирают детишек, вырывая их из рук матерей, дети кричат, плачут, ручонками к матерям тянутся, а матери пытаются своих детей вырвать из рук фашистов... Потрясающе схожие кадры... Мой детский сад – на саночках: волшебный снегопад, остановись мгновенье! Сад рядом с работой, я нередко бываю на работе у мамы и всех её

знакомых, особенно подружку тётю Тому – достаю загадками, которых я знала очень много и очень любила загадывать их взрослым. То ли запоминала услышанные, то ли и сама подсочиняла, но именно загадки меня очень привлекали! Мама мне рассказывала позже, что знала я их – великое множество, и не повторялась... Сейчас меня это очень удивляет! Вопросы к взрослому: как это шофёр сидит в кабине, а колёса крутятся? «Вырастешь – узнаешь»... друзья и враги в детском саду. Творческие задания, спектакли, подготовка костюмов к праздникам, закалка, прививки, занятия. Я должна быть первая во всём! Если не первая, то и делать не буду! Летняя поездка в Шостку, походы там в лес за орехами фундук, растущими там свободно. Туалет из леса делать нельзя: я терплю, когда мы вернёмся домой, ведь ОНИ видят, я их просто чувствую, хоть и не вижу. Возвращение через Москву, пастила – как живое, трепещущее, брат пытается заставить меня попробовать хоть кусочек, но я не могу это есть: ему же больно! А брат до сих пор не может в толк взять, почему я отказалась есть тогда пастилу. Валера часто забирал меня из детского сада, и мы с его друзьями гуляли в парке возле дома культуры завода ТРАНСМАШ, там качели, музыка, весело! Тёплый май 1953 года. Я, как обычно, с братом, а он с девочкой из своего третьего класса – мы идём по тротуару. Валера с Олей Балуковой о чём-то школьном разговаривают, увлечены беседой, я чуть сзади, Валера часто оглядывается, мол, где я там? Увидев меня – идёт дальше и разговаривает... Оглянувшись в очередной раз меня не видит: только что была, и вдруг исчезла... Но спрятаться мне негде: с одной стороны тянется заборчик, отделяющий газон от пешеходного тротуара, а с другой – плотно дома и заборы. Куда же я делась? Он испугался, кинулся назад, и тут он слышит мой голос, раздающийся откуда-то из-под земли. Куда же я пропала? Надо сказать, что я с детства очень любила всякие качели, карусели, бесстрашно раскачивалась очень высоко. Вот и крышки люков от колодцев качающиеся, когда на них наступаешь – меня тоже привлекали, я не пропускала ни одной такой крышки, наступала на них всегда, если они встречались на пути. Часто эти

крышки были закреплены очень крепко и не качались ни чуточки, но иногда можно было найти и такие, которые качались, и я тогда задерживалась на них на несколько секунд и покачавшись, довольная шла дальше. Вот и теперь, увидев очередную крышку от люка, я наступила на один её край в надежде покачаться. И время вдруг мгновенно замедлилось. Крышка люка медленно стала переворачиваться, я начала опускаться в образовавшееся отверстие, а эта самая крышка, перевернувшись над моей головой, начала медленно захлопываться. Я осознала, что лечу в колодец и стала быстро и судорожно хвататься руками за его стены, где были прикреплены металлические скобы, типа лесенки, по которым ремонтники туда спускались. Я успела понять, что если не схвачусь и не удержусь – то разобьюсь. Как будто мне кто-то приказал: хватайся, а то разобьёшься! Первые две скобы пролетели мимо рук, я успела схватиться за третью ступеньку от верха. Крышка меня накрыла, в колодце темно, и я подумала, что Валера меня ведь не найдёт, если я кричать не буду! И я закричала: «Валера! Я в колодце! Я под крышкой!». Валера с Олей подбежали, повернули крышку и вытащили меня: я висела на руках, на третьей сверху скобе. А внизу, посреди колодца возвышался огромный штырь – труба, о которую я непременно разбилась бы насмерть, если бы не удержалась за скобу. Уж как у меня сил хватило, удержать собственное тело – я не знаю. Но этот эффект замедленного времени не раз ещё повторялся в моей жизни в минуты серьёзной опасности. Мозг начинает работать с огромной скоростью, а окружающий мир как будто замирает затем медленно-медленно начинает двигаться. Мозг работает слишком быстро, а тело, хоть и двигается при этом тоже быстрее обычного, но всё же медленно, и я каждый раз в подобном случае, успеваю удивиться собственной неповоротливости. После этого случая, я определённое время на крышки люков не наступала. Причём, что интересно: заведя люк, я делала попытку наступить на него – ноги сами меня туда несли, видимо, условный рефлекс уже успел сформироваться, но тут же включалась голова, память подсказывала, к чему это недавно привело, и я делала над собой

определённое усилие, чтобы обойти эту крышку, не наступая на неё. Мама подрабатывает в свободное время: печатает на машинке стихи барнаульскому поэту Герману Хрусталёву, работающему в газете. Симпатии. Дядя Гера – наш отчим, живёт с нами в бараке. Мать приходит с работы – всё убрано, постирано, мы накормлены и уложены спать... Отец приходит иногда и они с дядей Герой, ожидая мать с работы, играют в шахматы, разговаривают, ведь оба пишут стихи... В 1954-55годах партия проводила политику по укреплению колхозов кадрами. С отцом поговорили, не будет ли он возражать, если ему предложат возглавить один из колхозов Алтайского края? Отец решил, что если мама с ним поедет, то и он возьмётся за эту работу. Он пришёл к нам в барак и предложил маме воссоединить семью и поехать с ним в деревню, так как ему предложили стать председателем колхоза... Но мама отказалась с ним ехать, отказалась и семью восстанавливать. У неё новый муж, который любит и её, и её детей. Отец ушёл, и в гости больше не приходил. Вскоре он, студент литфак пединститута, женился на студентке того же факультета Аде Дорофеевой. А дядя Гера начал (или продолжил?) пить, ревновать маму, начались ссоры... Однажды он порезал ножом мамин портрет и поднял на неё руку. Мама отправила нас ночевать к соседям Деревянко, с которыми мы дружили. Мама хочет скрыться от ревнивца. Наш скоропалительный переезд в новый барак на улицу Чудненко, Гера адрес не знает. Наша жизнь в новом деревянном бараке с поздней осени 1955 года. Зимой 1955 года Валера решил научить меня кататься на коньках. Каток был всё в том же парке дома культуры трансмаш . Это километрах в двух от нашего дома. У него были коньки «дутьши», которые мама ему купила, а мне купили коньки «снегурочки», которые прикручивались на валенки верёвками и закреплялись палочками. Впереди нос коньков был сильно закруглён. Чтобы не таскать лишнюю одежду и обувь, Валера одел свои коньки на ботинках ещё дома и до катка в парке трансмаш – шёл и ехал на коньках. А мне он одел снегурки прямо на катке, и поставил меня на лёд: катайся! Какие скользкие оказались эти

коньки! Упала я сразу же, как только вышла на лёд. Валерка мне крикнул: «катайся! Ты сама должна почувствовать, как это надо делать!» и поехал кататься с друзьями по кругу. Я с трудом приняла горизонтальное положение, но снова тут же плюхнулась на лёд. И ещё, и ещё... У меня возникло желание сбросить снегурки и уйти домой. Кто-то, проезжающий обидно крикнул: «ты что, как корова на льду?». «Сам ты – корова!» - крикнула я вслед. И вдруг появилась злость на себя: что это все могут, а я нет?.. Я вставала, катилась, плюхалась, снова вставала, снова катилась... И я уже могла проехать довольно приличное расстояние! Изредка ко мне подъезжал Валерка и говорил: «Молодец!». Пришло время отправляться домой, да и выюжить начинало... И мы поехали домой: Валерка мне запретил откручивать снегурки от валенок. Он решил, что мне надо закрепить то, чему я уже научилась, и поэтому я должна ехать до самого дома на коньках, ведь он же едет! У меня болели ушибы от падений, у меня жутко устали с непривычки ноги и очень хотелось наконец-то снять снегурки и побежать домой по земле, в валенках! Но братик меня всячески увещевал, чего-то там мне доказывал, что я должна воспитывать волю!... В общем, КАК я добралась до дома – я описывать не буду, но доехала я на коньках. И тогда я почувствовала, несмотря на жуткую усталость – радость преодоления и радость от выполнения трудной задачи. Я ощутила себя героем, и это было приятное чувство!

Часто из детского сада забирал меня Валерка, так как мама была на работе, и я гуляла с ватагой его друзей по городу. Я думаю, наша необузданная компания немного пугала добропорядочных граждан. Дружба барачная с Раей Чарочкиной. Её семья. Общение, игры. Дневной сон – мама нас, а когда Валерка повзрослел – меня укладывала в выходные спать после обеда – это были трудные, мучительные часы вынужденного покоя и бездействия. Я вертелась в постели, как нервная, а за окном раздавались весёлые голоса ребятишек! Этот «мёртвый час» - был испытанием для нервов

и сущим наказанием. Эти часы послеобеденного сна мучили меня и в детском саду, и на даче, в Озёрках, куда выезжал наш детский сад на лето, и в пионерском лагере... я никак не могла понять и смириться с тем, что здоровые дети должны днём, когда на улице солнце, когда ты полон энергии, вдруг лечь в постель и спать. В этом было что-то совершенно неестественное, это было наказанием детям от взрослых... за что-то.

С самого детства мы очень любили сладкое. А так как денег было немного, и конфеты, шоколад мы ели чаще в праздники, а не в будни, то восполняли мы любовь к сладкому – сахаром. Тогда продавался колотый сахар – это были крупные, до 10 сантиметров бесформенные куски, очень сладкие. Сахар этот был самым дешёвым из всех его разновидностей, продававшихся в то время. Мы брали большой кусок в ладонь и били по куску чем-нибудь тяжёлым. Кусок разбивался на ряд более мелких. Вот эти кусочки по одному мы помешали в рот и сосали, как леденец! Было очень вкусно! И дёшево!

В детском саду я была лидером. «Балерина». В 5 лет – мой первый кружок – балетная студия при ДК ТРАНСМАШ. Туда принимали с 1-го класса, меня посмотрели и сказали: рановато! Но у девочки явные способности! Пусть ходит! О! это была сказка! Я впитывала всё, что мне удавалось увидеть и услышать на этих занятиях! Я получала огромное удовольствие от этих занятий, от этого вида деятельности! Аналогичное я чувствовала, когда в подростковом возрасте ходила на спортивную гимнастику. Но на балет мама меня водила недолго, так как работа её мешала ей это делать, и не прошло и года, как мама перестала водить меня. Я очень просила, даже плакала, что хочу ходить в кружок, но ничего не помогло. Самой мне было туда ходить далеко, да и из детского сада одну меня никто не отпустит. Я тогда решила: как только поступлю в школу – сама буду ходить на балет! Обязательно!

В ДС мы учились рисовать. я помню, что у меня не было никаких идей в этой области: я просто копировала какие-то орнаменты, увиденные у кого-то, преобразовывая их в соответствие со своими симпатиями. Обычно это была волнистая линия, на которой я пририсовывала листики, а в углублении волн я рисовала пятилепестковые цветочки с круглой сердцевинкой. Вообще, рисование мне не нравилось: медлительный процесс, где моя фантазия спит – мне было просто скучно. Другое дело – балет, танцы, спорт – движение!

Из необычной еды в детском саду – я помню мочёные арбузы – необычный вкус вначале вызывал отторжение, но распробовав,- вкус уже казался приятным. То же было и с мочёными яблоками. На втором этаже детсада – находился медкабинет. Периодически нас туда приглашали и делали прививки – то какие-то уколы, то перке, то давали пить крупное жёлтое драже, похожее на конфеты горошек. Причём, этот горошек нельзя было жевать, а надо было целиком проглотить – это было проблематично для меня, рвотный рефлекс не давал мне этого сделать, и я всё-таки разжёвывала это драже и кусочками его проглатывала... А чтобы мы были крепкими и здоровыми – нас закаливали: мы мыли ноги холодной водой. И многие – болели, а я – не болела. Почти никогда. У меня был очень хороший иммунитет. Это вызывало удивление и восторг нашей воспитательницы Галины Михайловны, При встрече с моей мамой – ГМ всегда выражала своё восхищение мной (ей нравилась моя активность и убеждённость, мои пристрастия к танцам, лидерские данные) и моим здоровьем.

Летняя дача от детского сада БСУ – я подбросила жабу в кашу предателю и ябеде. Показательное наказание – все мои вещи сложили в мой вещмешок и выставили меня за ворота дачи, мол – иди домой! Вот наступит ночь – сама будешь проситься взять тебя обратно! Мы тебя выгоняем с дачи! Крутые меры! Я стояла в раздумье за воротами, пройдя немного, чтобы не было видно ворот. Было очень красиво: вечернее солнце – блестят паутины, тишина – сказочный лес... темнеет... но я не считаю себя виноватой, ведь

предателей и ябед надо наказывать! Я не иду и не прошусь взять меня обратно. Сажу под деревом – о чём-то думаю... Видимо, за мной негласно присматривали... Воспитатели, не дождавшись моего раскаянья – возвращают меня на дачу, в мою группу. Теперь – я герой! Наша компашка сплачивается ещё больше: Люба Каверзина (моя лучшая подруга, пока наши пути ни разошлись в 1-м классе), Володя Колотвин, Лариска, Вася, Генка... Меня донимают комары – на местах укусов – огромные зудящие волдыри. Пчёлы. В родительские дни – по воскресеньям приезжают родители, забирают нас с территории дачи, и мы гуляем с ними по лесу, обедаем, привезёнными сладостями, общаемся группками из дружащих, общающихся родителей и нас – их детей. Фотографируемся на память... к вечеру родители разъезжаются, а мы возвращаемся на дачу...

Мама ввела в семье традицию читать вслух художественные книги. Они с Валеркой читали попеременно, а я пока только слушала, но после того, как я в школе научилась читать – меня тоже начали привлекать к этому. Читала я вначале не быстро, меня это раздражало, так как смысл нередко ускользал от меня, пока я вслух произносила слоги, слова, причём слов незнакомых было много, а навыка чтения у меня не было. Мама говорила, что когда я научусь читать быстро, то уже сразу, увидев знакомое слово – смогу его произносить, не называя по слогам. Я удивлялась: так значит, чтобы быстро читать – надо выучить написание всех слов, чтобы узнавать их с одного взгляда? Мне эта задача казалась не по силам! Слов столько много, как же я их все запомню? И я удивлялась: неужели Валерка уже выучил все слова на вид, что читает без запинок? Я пыталась понять метод которым я смогу научиться читать. Но читать-то надо было учить года на три раньше школы, когда этот процесс «идёт на автомате» и ребёнок ещё не задумывается о том каким методом он сможет научиться читать. Когда мне было года четыре или пять – мне купили книжку-раскладушку. Текста там было немного, а картинки крупные, яркие. Это был какой-то короткий

рассказ о жизни белого медвежонка на севере, и о поездке туда наших полярников. И я помню, что мне тогда очень захотелось научиться читать, чтобы прочесть эту книжку, но мне её прочла мама, она сказала, что я ещё мала, и что читать меня научат в школе. Я приставала к ней, чтобы она мне говорила, как называются буквы. Кое-какие буквы я узнала, но как это всё собрать в чтение, зная несколько букв? Этого я не знала. Буквы назывались «бэ», «мэ», ну и как я это соединю? Если бы мне сказали, что эта буква даёт звук «б», «м» - может, я и смогла бы соединить их со звуком «а», и у меня что-то бы получилось! Но мама, одна воспитывающая двух малолетних детей, устающая на работе, занятая своими невесёлыми мыслями, говорила: «Не морочь мне голову!» на этом всё и заканчивалось. Видимо тогда у меня и сложилось ощущение, что нельзя оставлять детское любопытство без внимания, что это мешает ребёнку уметь, развиваться и гордиться собой перед собой. Меня очень угнетало неудовлетворённое любопытство! Как будто каждый раз меня очень жестоко наказывали, оставляя мои вопросы без ответов. Меня очень мучило не только то, что от меня попросту отмахивались, как от мухи или комара, а главное, что я так и оставалась наедине с этими вопросами, а их количество росло, как снежный ком. И у меня подсознательно возникало нехорошее чувство, ощущение собственного невежества, которое очень мешало чувству собственного уважения. И это было самое неприятное, даже неприятнее, чем ощущение одиночества, покинутости, что до меня на самом-то деле нет никому дела, что по сути — я сама по себе, я одна. Впервые это раздражение от оставленного без ответа любознательного вопроса запомнилось мне года в три, когда я сидя на санках, на которых мама везла меня ранним утром в детский сад, вдруг неожиданно задумалась, глядя на проезжавший грузовик и сидевшего в его кабине шофёра: «Как это получается, что шофёр сидит в кабине, а колёса сами крутятся, и машина едет?» Ответ мне нужен был сейчас же! Мне хотелось всё это соединить и понять, как же такое возможно? Я тут же спросила об этом у мамы, но она, видимо занятая своими мыслями ответила

ненавистой мною фразой: «Ты ещё маленькая. Подрастёшь – узнаешь!» Эту фразу я слышала потом часто, эту фразу я просто ненавидела! Когда я стала старше – это ощущение, это желание обязательно получить ответы на вопросы, как можно точнее и быстрее - переросло в осознание. А когда у меня самой появились дети – я очень старалась, чтобы не только их вопросы не оставались без ответа, но старалась упреждать их вопросы, а то и сама ставить их перед ребёнком, и когда он заинтересовывался – отвечать на эти вопросы. Старалась проводить со своими детьми как можно больше времени, чтобы у них не возникало чувства одиночества и чтобы они всегда знали, что маме интересно всё, что им интересно и волнует всё то, что их волнует.

Мне было пять лет, когда я впервые увидела вещий сон: мне приснилось, что умер дедушка – папин папа. Что в церкви по кругу ходит процессия церковников в своих нарядных одеяниях, а впереди них, в таком же одеянии, с голубыми узорами по краям одежды, расшитой золотом шествует Виталька – мой двоюродный брат - и помахивает кадилом, из которого поднимается дым сочень приятным запахом. Я проснулась и рассказала об этом своему брату, а когда мама пришла с работы – мы рассказали и ей. Мама встревожилась и сказала, что завтра надо обязательно сходить к бабушке, то есть, к её свекрови. И сходила. Оказалось, что дедушка и вправду ночью умер. Помню, как мы ходили на его похороны. Гроб стоял в одной из комнат бабушкиной квартиры, вокруг сидели родные и близкие ему люди, кто-то плакал. Мама сказала, чтобы я подошла и поцеловала дедушку в лоб. Я поцеловала. Дедушка был не очень на себя похож, а лоб был очень холодный, я этого не ожидала, и меня это сильно напугало. Потом гроб вынесли на улицу, и вокруг была огромная толпа. Гроб поставили на грузовую машину с откинутым задним бортом, вокруг гроба кого-то посадили, в том числе и меня. Машина медленно поехала, за ней шла огромная колонна людей, женщины были в чёрных платках, под руки вели рыдающую бабушку, на подушечках несли дедушкины награды. Наша

похоронная процессия таким образом, с оркестром, исполняющим похоронный марш, прошла по всему городу. Я сидела на машине, посматривая на дедушку, у которого были сильно заострены черты лица, как будто это был уже другой человек, а не дедушка. Смотрела на немного поредевшую толпу, шагающую за машиной, смотрела на убитую горем бабушку в чёрной косынке, на прохожих, оглядывающихся с грустью и печалью на нашу процессию, и начинала понимать, что же такое – умереть. На кладбище было холодно, меня даже немного знобило, наверное от страха: дедушку опустили в могилу и все бросали землю горстями, и я тоже бросила. Стук был глухой, и было страшно, как будто это мы его убиваем. Это было моё первое знакомство со смертью.

Однажды мама сказала, чтобы мы пришли к ней на работу после обеда: там списывали мебель и маме дали два стула, а Валерка должен был их забрать и принести домой: у нас будут настоящие, крепкие стулья! Ну и, конечно, как всегда, Валерка забрал меня из сада. Мы зашли к маме на работу, забрали эти стулья и понесли их домой. В одном из дворов, который нам надо было пройти – мы увидели группку пацанов, человек пять. Валерка почувствовал угрозу, исходящую от них, он вытащил цепь, которую с собой носил для безопасности в мальчишеских драках, а мне сказал, чтобы я не лезла, а стояла возле стульев, которые он поставил на землю. Пацаны уже подходили к нам. Валерка показал им цепь и пригрозил, но потасовка небольшая всё-таки произошла. Я громко кричала, привлекая взрослых, и цеплялась за какого-то пацана... Проходящий мимо мужик разогнал пацанов, и мы благополучно донесли стулья до дома. А один из этих, списанных ещё в 1956 году стульев, уже правда со спиленной спинкой – до сих пор служит нам «верой и правдой» (2013г.), вот уже 57 лет! Вот это качество было в советское время!

Когда мне было лет шесть – мне мама на день рожденья купила детскую швейную ручную машинку. На ней можно было строчить швы, и я шила своей кукле наряды, мама учила меня их кроить и шить, а позже, когда мама привезла свою швейную ножную машинку с Украины – я уже и на ней шила себе одежду – и нижнее бельё, и платья.

В соседнем бараке жил один пацан, года на 2 постарше меня – он меня постоянно «цеплял»: то какую ни будь гадость кричит вслед, то дёрнет меня за косички, то толкнёт, ну а я ему всегда, конечно, огрызалась, не более, он меня сильно раздражал! Но драться с ним – у меня не хватало смелости, что ли? И вот, наконец – сентябрь 1957! Я с цветами иду в школу! В 1-й класс! У нас сегодня – первый школьный день! Я горда и переполнена собственной значимостью: я теперь не просто дошколёнок, я теперь –ШКОЛЬНИЦА! Как будто мгновенно повзрослела, скачком! И тут, как назло – навстречу мне – этот мальчишка! Вначале я испугалась, что сейчас всё это нарядное великолепие школьной формы будет как-то нарушено: испачкано, порвано, помято, а цветы – испорчены... я хотела обойти его, но он явно не собирался отпустить меня просто так, замышляя что-то коварное. И вдруг меня охватила какая-то отчаянная решительность: пусть только попробует помешать мне пройти! Я готова была на жестокую драку, я должна была освободиться от этого задиры! и наплевать на всё остальное! Странно, но когда я пошла прямо на него, не сворачивая с тропинки, он вдруг молча уступил мне дорогу, и я гордо прошла мимо... и с этих пор он меня больше не цеплял. Я тогда впервые поняла, что смелый, решительный, убеждённый в своей правоте человек может выигрывать даже не доводя дело «до драки». И если уж ты решился – надо идти до конца, не сомневаясь ни на секунду! Этот принцип укрепили во мне и разнообразные виды спорта, которыми я занималась в школе: спортивная гимнастика, лыжи, коньки, волейбол, баскетбол, даже шахматы!.. Хотя и не всегда меня это избавляло от драк, но драться меня учил Валерка, и я драк не боялась, а иной раз и сама задирала

какого-нибудь наглеца, чтобы кулаками восстановить справедливость. «Танька! Покажи приёмчик!» – просили меня некоторые пацаны нашего класса, и я показывала приёмчики, которым меня обучил брат. И мы даже тренировались на перемене в школьном коридоре, чтобы приёмчики получались автоматически. Хотя коридором назвать то пространство было бы несправедливо: это был огромный зал, почти квадратный, куда выходили двери всех классов, находящихся на данном этаже. А этажей таких было четыре. Так что на перемене нам было где отдохнуть, подвигаться. Столовая, спортивный зал, столярная и слесарная мастерские для уроков труда, гардероб – это всё находилось на первом этаже. Планировка школы была очень удобная, чего не скажешь об узких коридорах-лабиринтах современных школьных проектов. К тому же, в больших залах, на переменах мы общались со всеми, кто был на уроках на нашем этаже в это время, это нас объединяло.

Когда я пошла в школу – моя мама тоже пошла в школу: ведь она окончила перед войной только семилетку в 1939 году и два курса химического техникума, потом - война, замужество, рождение детей, работа. А мама хотела получить высшее образование, чтобы нам жилось легче, когда она получит инженерную профессию, к тому же она была человеком талантливым, и всю жизнь проработать машинисткой – ей не хотелось, она была способна на большее! Поэтому мама поступила в вечернюю школу рабочей молодёжи, чтобы получить аттестат и поступить в институт. Через год она (после 16 лет перерыва в учёбе, после того, как воевала на фронте, работая теперь полный рабочий день, и воспитывая двух детей без чьей-либо помощи) окончила школу, получила аттестат, в котором были только две четвёрки, а всё остальное было сдано на отлично! И поступила в 35 лет на дневное отделение педагогического института, на физико-математический факультет! И через пять лет окончила его, вернувшись работать учителем математики в школу рабочей молодёжи, которую сама окончила. Да, моя

мама была волевая, героическая и очень умная женщина! Она ввела в нашей семье такую традицию: вечером перед сном мы называли ей свои хорошие и плохие поступки за день, и мама выставляла нам оценки за каждый день. Положительные поступки шли со знаком плюс, отрицательные – со знаком минус и таким образом, всё плюсовалось, оценка выставлялась и записывалась вместе с маминой подписью на маленьком листочке бумажки. Листочки эти я складывала в небольшую картонную коробочку, а по воскресеньям вечером мама подсчитывала наши баллы и говорила, кто из нас победил на этой неделе. Мама любила соревновательность, и ввела эту соревновательность между мной и братом. Победитель премировался различными способами. Эта система продержалась у нас несколько лет. И ещё: с детства у нас с братом были распределены обязанности, которые мы чередовали по неделям. Например, я мыла пол и убирала в квартире неделю, а Валерка – покупал продукты и мыл посуду. Варила всегда мама. Посуду мыть я терпеть не могла: объедки, жир... да и покупать продукты не любила: денег в неполной семье с двумя детьми не так много, чтобы баловать себя всякими изысками, а в магазинах изобилие продуктов, одно другого вкуснее! В соседнем бараке был небольшой магазинчик, где продавали молочные и мясные товары. Обычно мама оставляла нам десять рублей в день, на которые мы в этом магазине покупали два литра молока в бидончик, кусок мяса, хлеб и какое-нибудь пирожное из сырковой массы со вкуснейшим кремом сверху! Молочных товаров было много! Масло различных сортов: вологодское, фруктовое с добавлением клубничного сока, шоколадное, сливочное, арахисовое с дроблёными орехами и т.п. Молоко, ряженка, кефир, простокваша в стеклянных бутылках с крышечками из фольги, на которых чётко был указан срок изготовления и срок годности. Сметана, в которой буквально «ложка стояла». Сыр, творог, творожная масса с изюмом, пирожные с сыром, с творожной массой, покрытой шоколадом, кремами или фруктами – глаза разбегались! А на стене за мясным прилавком висел огромный плакат, на котором была нарисована коровья туша, разделанная на

части. Каждая часть имела своё название, а мясо, соответствующее каждой части – лытки, рёбрышки, филе, печень, почки – лежало на прилавке в разных лотках и имело каждая свою постоянную цену. Колбасы тоже были разных сортов и разного вида: и варённые, и копчённые, и полукопчённые. И главное, что все товары были свежими и качественными! Попробовал бы кто-нибудь в то время травить народ подпорченными продуктами, как это делают сейчас, в так называемое рыночно-демократическое время! Тюрьмы такому мошеннику было бы не миновать! Так вот, в бараке через дорогу, было ещё два магазина, прилавки которых ломились от изобилия товаров: «бакалея» и «овощи-фрукты». Чего только не было в этой «бакалее»! Рыба свежая, копчёная, солёная, мясные окорока, бужанины, и т.п. Огромное количество сладостей: и конусообразные кремовые киевские помадки, таявшие во рту своим сливочным вкусом, и леденцы, и всевозможные шоколадные конфеты, из которых мы предпочитали «кавказские», самые дешёвые и самые вкусные, имевшие вкус мокко, множество видов и размеров шоколада. Конфитюры, варенья, повидло различных сортов, разнообразные компоты. А на металлической стойке были закреплены три конусообразных стеклянных сосуда с кранчиками, в них заливали различные соки и продавали стаканами буквально, за гроши: пей не хочу! Газвода в поллитровых стеклянных бутылках: ситро, яблочная, грушевая и др. Но что мы любили больше всего – так это концентраты сухие, спрессованные в кубики: кисели, кофе, какао – это было вкуснее и гораздо дешевле конфет! А с другой стороны этого же барака в магазине «овощи-фрукты» ломились прилавки от растительного изобилия! Особенно по осени! Яблоки различные, ранетки, помидоры, огурцы по три-пять копеек за килограмм, картошка, морковь, свекла, арбузы! На полках – солянки, борщи, салаты в банках... Конечно, кокосов, бананов, ананасов не было, но наших российских овощей и фруктов было море! И качество отличное, свежайшее! А хлебобулочные: масса пирожков, пончиков, калачиков! К празднику 8 марта ежегодно было снижение цен на продукты – подарок советским женщинам. И это

независимо от того, что раны недавней войны ещё не затянулись, а экономика страны ещё не совсем восстановилась. Вот что такое забота о народе и его здоровье! Когда я слышу болтовню о том, что в советское время было голодно – это меня всегда изумляет: неужели антисоветская пропаганда в СМИ так забила и затёрла людям память, что они и вправду ничего не помнят?

1-й класс – первая влюблённость: Миша Сидоров – очень умный интеллигентный мальчик из очень благополучной семьи, много чего знающий и умеющий; я и моя подружка – Люба Каверзина. Как-то зимой после школы мы с Любой пошли в гости к Мише Сидорову. Там было очень интересно! Много книг, много различных игр. Мы с Любой заигрались, и домой пошли поздно. Я вернулась около девяти часов вечера. В то время даже маленьким детям было совершенно безопасно ходить вечерами одним, так как уличной преступности почти не было. Но когда я весёлая и довольная вернулась домой – меня ждал большой скандал! Мама в слезах, лежала с мокрой тряпкой на голове, Валерка начал меня ругать, а когда я рассказала, где была и что делала – мама и Валерка обозвали меня сидоровой козой. Фразу эту я слышала впервые. Сочетание личного оскорбления (я - коза?) с фамилией мальчика, который мне нравился, рубануло меня, как пощёчина. Я была оскорблена! На глаза навернулись слёзы, но чтобы их не показывать маме и Валерке, я выскочила из комнаты в коридор. Но я была без пальто, без шапки и в тапочках – на февральский мороз так не выскочишь, и я спряталась за дверь в коридоре, ведущем на улицу. Там меня никто увидеть не мог, и я немного тихонечко поплакала от обиды и оскорбления. Валерка через некоторое время выскочил в коридор искать меня, но решил, видимо, что я к кому-то из соседей пошла – вернулся домой. А я, успокоившись, стоя за дверью в холодном коридоре начала замерзать. Но я решила, что сама ни за что не пойду домой! Вот если они меня сами найдут и попросят вернуться – только тогда я вернусь в комнату, но чтобы они взяли свои слова обратно!

Я постепенно замерзала всё больше и больше, и мне уже хотелось, чтобы они поскорее меня нашли. Но они не искали пока... И я уже приготовилась провести ночь за этой дверью, очень пожалев о том, что я выскочила, не успев тепло одеться. Прошло, наверное, больше часа, и уже мама пошла к соседям искать меня. Я слышала, как она спрашивала в очередной раз: нет ли меня у того или другого, но меня там, конечно, не было. Тут уж они с Валеркой встревожились не на шутку, пока Валерка случайно не заглянул за дверь, где я пряталась. Я заявила, что я никакая ни Сидорова коза, а человек! И когда меня уводили домой, мама сказала, что она берёт свои слова обратно. Мама мне объяснила, что «сидоровой козой» называют тех, кто бежит неизвестно где, и что она совсем не имела ввиду фамилию моего друга. Правда, она немного посмеялась, что фразеологизм «сидорова коза» так совпал с его фамилией. Конфликты с близкими людьми меня всегда очень сильно задевали; равнодушие, оскорбления и обиды получаемые от тех, кого любишь и считаешь своим близким, родным – ранят очень сильно. С этим нельзя бороться теми методами, которыми ты борешься с посторонними тебе людьми, потому что такими методами ты боишься сделать своим близким больно, их тебе жалко. Поэтому протест получается пассивный, вызывающий к их совести, но упорный. Упрямство в таких вопросах мне было присуще всегда. Так одним из воспитательно-наказательных методов у мамы был такой: она ставила нас на колени на гречку «До тех пор, пока вы не поймёте и прощенья не попросите!» Валерка «понимал», просил прощенья и бежал играть на улицу, а я упорно стояла, но прощенья не просила, считала, что это как-то унижительно, для слабаков, к тому же виноватой я себя не считала. Так и стояла немой укором совести, до тех пор, пока маме самой уже меня хотелось поднять. Весной 1957 – Люба заболела. Долго лежала в больнице, потом они переехали в другой город, и мы с ней – потеряли друг друга. Наша компашка: Я, Роберт, Соснина, Козявкин, Акулов, Глущенко, Лебедева, Дьякова, Колотвин, Воробьёв – мы

жили в одной стороне от школы, и часто вместе ходили домой – и сдружились.

Соснина – была круглая отличница – круглее не бывает: она всегда выполняла полностью все домашние задания, была очень прилежная девочка. За ней присматривала в основном бабушка. Семья была полная, небедная.. У Раи было много кукол, какие нам и не снились! Роберт Люда – её правая рука. Твёрдая хорошистка. Козявкин – двоечно- троечник, но задиристый и неглупый худенький пацан небольшого роста. Акулов Коля – был очень хорошо подготовлен к школе: читал под партой Робинзона Крузо, когда мы все только учились читать: «мама мыла Мару, Мара мыла раму». Он был смелый, себя в обиду не давал, но и других не задира, и заступался за слабых. Глущенко Люда – хорошо и быстро решала примеры и задачи по математике, была немного отстранённой, но равной со всеми в классе. Лебедева Люда – на мой взгляд, была красавицей: брови вразлёт, огромные красивые глаза, пухлые губы, небольшой носик идеально ровной формы. Она была очень общительной, энергичной, близкой мне по характеру. Дьякова Алла – высокая, кудрявая близорукая девочка, из семьи интеллигентов – аккуратная, спокойная, грамотная, хоть и не блистала в учёбе, но была себе на уме и знала, что ей нужно в этой жизни. Крепкие отношения с Лебедевой Людой. Колотвин Володя – с ним и его младшим братом мы были знакомы ещё с детсада, вместе ездили на садовскую дачу. Володя был, как и Люда Роберт – крепким хорошистом, правильным мальчиком, спокойным, честным и рассудительно-добропорядочным, надёжным и не способным, в отличие от всех нас, ни на какие каверзы. Воробьёв Саша – был его приятелем, брал пример с Колотвина, хоть его более живой натуре делать это было сложно. Учился средне, способностями особыми не выделялся. Вот такая у нас была дружная компашка. А к смотру художественной самодеятельности мы всем классом пели «Сибирь, Сибирь,

люблю твои снега, навек ты мне, родная, дорога...» Прошёл первый учебный год.

Любовь к мороженому. Лето 1958. Мама: «поступишь в музыкальную школу (при ДК ТРАНСМАШ) – накормлю мороженым! Конкурс – 27 человек на место. Отвернулась – ткнули несколько клавиш: сколько? – я сказала, несколько раз. Сыграли мелодию: пропой, я пропела так пару раз. Похлопали по крышке пианино ритм какой-то – повтори – я повторила, так несколько раз. Ещё что-то проверяли – я не помню. Вышла. Ждём: меня приняли! Оказалось, у меня хорошие данные для занятия музыкой. Мама купила мне штук 8 мороженных, я съела, но сказала, что ещё хочу – не накормили меня мороженым до насыщения!

Итак, меня приняли в музыкальную школу. Мама была очень рада, а я – нет. Дело в том, что пианино у нас не было, купить его нам тоже было не на что: мама одна воспитывала нас двоих, работала, училась в вечерней школе, получая от отца после развода очень небольшие алименты. Заниматься мне приходилось далеко от дома, у бабушки, папиной мамы, в той самой квартире, в которой мы жили после приезда из Шостки, и из которой переехали в барак после развода мамы с отцом. Пианино было куплено для сына тёти Зиной, Витальки, который был ровесником Валеры, и который учился в музыкальной школе. Когда я садилась за инструмент, бабушка мне говорила: «Осторожно, Танечка! Мы его Виталику только что настроили! Это дорого стоит» и т.п. Расстановка таких акцентов: вот есть Виталик – это всё для него, а ты – что-то чужеродно-второсортное, но мы тебя тут из жалости принимаем – мне сильно не нравилась. Вроде бабушка моя, и я её родная внучка, а вроде бы она от меня отрекается и считает чужой, которой она милость оказывает. Как будто предаёт меня. Такое уже было, когда отец развёлся с мамой, как будто он с нами развёлся – он перестал с нами общаться, особенно после своей второй женитьбы. Он нас предал, своих

детей. Ощущать себя преданным, брошенным – очень и очень неприятно! А вот теперь и бабушка считает меня чужой. Только потому, что папа с мамой развелись! Я-то всё равно её внучка! Но оказывается, что это не так... Иногда у меня возникало огромное желание – взять да и расстроить это пианино! Но во-первых, я не знала, как это надо делать, а во-вторых, я боялась, что тогда мою маму заставят его настраивать, что её, конечно может огорчить, а этого я не хотела. Я просила маму купить мне скрипку – она же дешевле, чем пианино, а я тогда смогу заниматься, сколько надо, сколько захочу, и никто не будет мне каждый раз говорить, чтобы я там лишнюю струну не дёрнула или смычок не испортила... Но маме очень хотелось, чтобы я училась играть именно на пианино! К бабушке я ходить перестала – кому же захочется чувствовать себя какой-то прихлебалкой – стала приходиться на урок с невыполненным домашним заданием, что мне также не понравилось: я не считала себя не способной выполнить домашнее задание, а придумывать каждый раз отговорки – было унижительно! Скрипку мне мама тоже покупать не собиралась даже в перспективе... И я бросила посещать уроки музыки вообще. Не судьба, значит. К тому же меня гораздо больше влекли танцы, балет, гимнастика... Не очень далеко от нашего барака был построен огромный спортивный зал, где тренерами были бывшие спортсмены, а записаться в секцию и посещать её (естественно, бесплатно) мог любой желающий. И каких там секций только не было! Вот туда, в секцию гимнастики я и стала ходить с огромным интересом! Вместо музыки. Мама об этом долго не знала. Я не хотела ей говорить, чтобы она меня не стала уговаривать продолжать играть у бабушки. Меня сильно задело отношение бабушки, и я решила, что больше к ней вообще ходить не буду! И не ходила. Зато гимнастику я полюбила всей душой! Я была смелая, гибкая, у меня всё легко получалось, мне было восемь лет, и я была счастлива! Казалось, с гимнастикой теперь меня не разлучит ничто, никто и никогда! Но не суждено мне было стать гимнасткой, несмотря на мою огромную любовь к этому виду спорта!

Сразу после окончания учебного года мама отправила меня на первый сезон в пионерский лагерь «Стройгаз». Там я быстро познакомилась со всеми, а так как в анкете у меня было написано, что я занимаюсь в секции спортивной гимнастики, то мне доверили проводить с ребятами своего отряда утреннюю гимнастику, а в свободное время я учила девочек танцевать, вспоминая занятия в балетном кружке. Но и этого нам было мало. Как-то вечером, уже лёжа в кроватях, мы с девочками разговорились, оказалось, что некоторые из них часто болеют, простывают, поэтому они не занимаются спортом. Я где-то слышала, что очень хорошую закалку организму даёт хождение босиком по росе летом. Я рассказала об этом и предложила прямо с завтрашнего дня начинать закаливание, девочки согласились. Утром мы после утренней зарядки разулись и, дурачась, бегали по траве, закаливая свои организмы. Было очень весело, всем нам это понравилось, и мы решили делать это ежедневно! День прошёл, вечером, усыпая, мы обсуждали события дня и то, что завтра закаливаться с нами будет почти в два раза больше ребят, чем сегодня! Усыпая, я представляла, как это будет здорово, когда закаливаться с нами будет весь лагерь, а потом родители будут удивляться тому, что их дети перестали простывать и болеть после лагеря!

Наступило солнечное утро! Девчонки бодро вскакивали с кроватей, Я тоже резво соскочила с кровати, но тут же рухнула на пол от зверской боли в коленях! Девчонки сбежались, положили меня на кровать; я взглянула на свои колени и ахнула: они так раздулись, что были раза в два толще, чем ноги! Это было некстати! Это было обидно: все наши планы рухнули. Ирония судьбы: у всех девчонок всё было в порядке, а у меня, которая почти не простывала никогда, организатора этих закаливающих процедур — появились осложнения. Как оказалось, это была острая атака ревматизма. В лагерь вызвали «скорую помощь», которая увезла меня в детскую городскую

больницу, где я провела полтора летних месяца, лёжа в постели, принимая лекарства, подставляя огромному количеству уколов свои мягкие места, ноги и руки. Больница находилась напротив стадиона «Динамо», который хорошо просматривался из окон нашей палаты, рядом с одним из окон стояла моя кровать. Когда проходили футбольные матчи – стадион шумел, кричал тысячами голосов, а до и после матчей – улица под окном заполнялась огромным количеством людей, и мы с интересом наблюдали различные сценки с их участием. Так, например, если перед матчем вокруг подошедшего человека вдруг быстро образовывалась толпа – это значило, что у этого человека были лишние билетики, которые он предлагал купить, кто-то покупал, после чего – толпа откатывалась от него, пока не появлялся следующий болельщик, имевший лишние билетики, и ситуация повторялась. А мы пытались заранее вычислить из подходящих к толпе тех, у кого могли быть такие лишние билетики. Вообще, сценок было множество, так что скучать нам не приходилось. Лёжа после отбоя, мы, усыпая, играли в разные устные игры: в цветы, где надо было по очереди называть цветок, название которого начиналось с той буквы, на которой окончилось предыдущее название, подобно игре в города. Аналогично мы играли в имена, или на любую придуманную тему. Почему мы не играли в города? Видимо, потому что в том возрасте мы их ещё мало знали. Рассказывали придуманные нами тут же или реальные истории... А чтобы было не только интересно, но и таинственно, каждая из нас взяла себе новое имя – название любимого цветка; я стала ромашкой, потому что мне очень нравились эти цветы: красивые, строгие, светлые. В палате нашей было восемь девчонок, так что были у нас и маргаритка, и роза, и астра и т.п. в общем, мы не скучали в свободное время между лечебными процедурами, врачебными обходами, приёмами пищи, дружескими беседами, воспоминаниями и мечтами о том времени, когда мы будем снова здоровы. Особенно хорошо было, когда боли проходили, и мы чувствовали себя почти совсем здоровыми! А когда из лежачего больного превращаешься в ходячего, когда можешь не только

ходить по палате или коридорам, но выходить даже в больничный скверик и гулять там в тёплую погоду - это уже совсем праздник! Это уже пахнет скорой выпиской и свободой!

Прошло полтора месяца, меня вылечили и выписали из больницы, дав множество наставлений и рекомендаций: что мне следует, а что не следует делать, чем питаться, у какого врача наблюдаться и т.п. Теперь пять лет я буду стоять на учёте у ревматолога. Самое неприятное было то, что мне категорически запретили заниматься гимнастикой в течение пяти ближайших лет. И даже физкультурой в школе в ближайшие полгода. И ещё – нельзя бегать, прыгать, нельзя носить ничего тяжёлого, нельзя заниматься работой, связанной с водой. Последнее мне понравилось: ведь мы с братом Валеркой по очереди мыли посуду или пол, а теперь мне ничего мыть нельзя, носить продукты, покупая их в магазине – тоже нельзя, так что – прощай домашняя работа! Гимнастику бросать было очень жалко! Даже больше, чем балетную студию. И тогда у меня не получилось заняться любимым делом, и сейчас – опять не получилось.

Правда, ещё в прошлом году, когда я окончила первый класс, научившись читать, считать и писать – у меня появилось новое дело – это мои воспитанники, как их стали позже называть мои соседи. В нашем двадцатикомнатном, двадцатисемейном бараке было более двадцати детей, много малышей – на три-пять лет младше меня. Вот с ними-то я и начала заниматься. Начались каникулы, мне только что исполнилось восемь лет, я перешла во второй класс и чувствовала себя уже достаточно взрослой. Однажды, солнечным летним утром я вышла из дома на крыльцо и увидела, как один четырёхлетний малыш сидит на крылечке барака с раскрытой книжкой и что-то приговаривает. Я удивилась: неужели он читает? Мы в школе этому столько времени учились, а такой карапуз уже научился читать? Я у него спросила: ты что, читать умеешь? Малыш сказал, что читать

он не умеет, но эту сказку мама ему читала, и он её запомнил. Я начала спрашивать его, о чём эта сказка, что там происходит? И малыш мне так подробно начал рассказывать, как будто и вправду – читал. Видимо, у него была хорошая память! Я вдруг, неожиданно для самой себя, ему предложила: «А хочешь, я научу тебя читать?» Малыш так обрадовался!.. Я вернулась домой, взяла букварь и под села к малышу. Звали его Миша, он оказался очень способным мальчиком, которому всё было интересно. В этот день мы посмотрели букварь и выучили букву А. Пока мы с ним учились, подошло ещё несколько ребятишек, которые тоже захотели научиться читать... Вот так, случайно, я и начала свою воспитательно-педагогическую деятельность. Я их учила читать, считать, писать, рисовать, играть в шахматы, показывала диафильмы старалась отвечать на их бесконечные вопросы, а если ответить не могла – в библиотеке пыталась найти соответствующую книгу и всё-таки ответить на вопрос. Ребята приходили в нашу комнату со своими стульчиками, рассаживались или рядами, когда учились писать, или кружком, когда учились играть в шахматы, или кучкой, когда смотрели диафильмы по фильмоскопу. А позже, когда я стала немного старше и родители стали доверять мне своих детей – я водила их кататься на лыжах в берёзовую рощу, которая находилась недалеко от дома, на каток. Мы готовили с ними концерты художественной самодеятельности и выступали перед взрослыми на общебарачных гуляниях в праздничные дни в широком холле, соединяющем два крыла барака. С ребятишками постарше мы устраивали шахматные турниры. Детишки мне доверяли свои секреты, делились проблемами, обидами и радостями. Некоторые родители даже стали прибегать к такой уловке: если кто-то из ребят не слушался, им говорили: «А Таня сказала...» и дальше шла какая-нибудь воспитательная тирада, которая после такого вступления уже давала нужные результаты. Занималась я со своими воспитанниками семь лет, пока мы не переехали на новую квартиру.

Но я очень тосковала по гимнастике! Особенно больной я себя не чувствовала, через год после больницы – уже двигалась довольно активно. В третьем классе я начала проводить занятия балетного кружка с желающими. Это были девочки с первого по четвёртый класс, человек пятнадцать. В то время было принято, что те ребята, которые ходят в какие-либо кружки занимаются в школе с ребятами, которые в эти кружки не ходят, но хотели бы научиться чему-либо. Учителя эти инициативы поддерживали. А занимались мы после уроков 2 раза в неделю в холле на этаже, где располагался наш класс. Девочки учили балетные позиции, различные движения, которым я когда-то обучалась в балетном кружке. Потом мы вместе придумывали танцы... в общем, это было интересно, хоть и продолжалось недолго.

После того, как я заработала ревматизм, я чаще стала болеть ангинами. Моя тётя Зина (родная сестра моего отца), которая была врачом отоларингологом, и работала в краевой больнице, предложила моей маме удалить мне гланды. Меня мама уговорила тем, что сказала, что когда мне удалят гланды – ангин больше вообще не будет, и я смогу есть мороженого – сколько захочу, а сразу после операции вообще дают мороженое, чтобы кровотечение прекратилось. Мороженное я любила больше всей другой пищи! Ну, я и согласилась на эту операцию. Решено было мне её сделать, когда немного похолодает – в октябре, например и делать будет сама тётя Зина. И она сделала это в своей краевой больнице, где сама работала. Положили меня туда дня за два до операции. Брали анализы, наблюдали, в общем – готовили к операции. Наступил день, когда меня завели в операционную, посреди которой возвышался операционный стол, а над ним – несколько больших, как прожекторы ламп. Я представила себя, лежащей на этом столе с широко раскрытым ртом, мне стало как-то не по себе... но тётя Зина провела меня мимо него и посадила на табуретку, стоящую почти в углу, к которой вплотную была придвинута тумбочка, накрытая белой

салфеткой. Под салфеткой что-то лежало. Я облегчённо вздохнула: если операцию будут делать здесь – значит, она быстрая и лёгкая! Тётя Зина села на табуретку, стоящую напротив меня и сняла салфетку с тумбочки. А там – рядом лежали какие-то блестящие щипцы, ножницы, и ещё разные замысловатые инструменты. Сердце ёкнуло, но я решила изображать из себя героя, улыбнувшись тётке Зине ободряющей улыбкой. По её просьбе я широко открыла рот, и операция началась. Замораживающий укол был неприятным, но когда всё в горле онемело – мне страшно стало от такой неадекватности ощущений, казалось, что я сейчас перестану дышать! От страха я раскрыла рот очень широко. Тётя Зина меня похвалила за то, что я хорошо раскрыла рот и говорит: «Ну вот теперь не будет больно, ты подыши глубоко!», и она принялась за работу, иногда меняя инструменты, а я думала, как сейчас, после операции меня накормят мороженым, чтобы кровь быстрее застыла и не было кровотечения, как мне до операции говорила мама. Но вдруг, когда операция уже подходила к концу, резкая боль вызвала рвотный рефлекс и тошноту – я захлопнула рот вместе с каким-то зажимом. Мне уже совсем не хотелось мороженого! Мне хотелось, чтобы это всё прекратилось: уж лучше болеть ангиной, чем такое... Тётя Зина испугалась не меньше моего, она уговаривала меня открыть рот, чтобы я не наглоталась крови, а я несколько минут наслаждалась тем, что рот у меня был закрыт, и что никто не режет, не дёргает ничего у меня в горле... я конечно понимала, что рот придётся снова раскрыть, но эта минута отдыха с закрытым ртом и торчащим оттуда зажимом показалась мне очень приятной. У тёти Зиной тряслись руки, она попросила свою коллегу, находящуюся рядом завершить операцию, а сама вышла из операционной. В принципе, она уже всё сделала, причём, оказалось – так качественно, что вот уже более пяти десятков лет я не вспоминаю, что такое ангина. Через пару дней меня выписали, так и не накормив мороженым. Оказалось, что этого не делают, а всё это придумала мама, чтобы я согласилась на операцию. Выходя из больницы, я и предположить не могла, что ещё вернусь сюда, и надолго, и что снова тётя Зина примет в моей

судьбе самое активное участие. С отцом я долгое время после развода их с мамой вообще не общалась – не хотела. Бросил нас – предал, мне было тогда два года. Но мне очень хотелось, чтобы у меня был папа, поэтому, если с мамой заговаривал какой-нибудь мужчина, который мне казался подходящим на роль папы – я подходила и спрашивала у него: «Дядя! Ты будешь моим папой?», что очень смущало мою маму, и радовало дядю. Брат – встречался с отцом, общался с ним, мама не возражала. Когда я уже в школу пошла - Валерка говорил, что отец спрашивал про меня, что хотел меня видеть, но я не хотела. В конце концов, уже и мама начала меня уговаривать встретиться с отцом. Уговорила. И мы с Валеркой начали вместе ходить к отцу, хоть и нечасто. Отец был очень рад, и это было видно. Жена его радости особенной не испытывала от нашего присутствия, хотя и старалась изображать заботу о нас, но фальшь прямо сквозила из каждого её жеста, из каждого слова. Как-то, в декабре, мы договорились с отцом, что придём к нему в гости в субботу вечером, за несколько дней до нового года на ночь. После обеда с ту самую субботу начало вьюжить, а к вечеру поднялась метель, да и мороз был около двадцати градусов, холод, в общем. Мама предложила нам с Валеркой не ходить в гости сегодня, Валерка её поддержал. Но я возмутилась. Мы же пообещали, что придём, а раз обещали – надо обещание сдержать: мы же не трепло какое-нибудь! Мы договорились, нас будут ждать, а мы видите ли ветра испугались, и обещание не выполнили. Так нельзя! В конце концов, я убедила, что мы должны идти. Мама потеплее одела меня, и мы пошли: вначале надо было ещё до остановки автобуса дойти, ветер просто валил с ног. Валерка мне снова предложил вернуться, но я твёрдо решила сдержать данное слово, поэтому возвращаться не стала, хоть мне и было холодно, я вся замёрзла, даже страшно было немного в этой вьюжной темноте и очень хотелось вернуться домой, в тепло. Но сам же Валерка всегда учил меня быть смелой и решительной – вот и научил на свою голову. Потом мы долго ждали автобуса, долго ехали, и снова шли по тёмным улицам, сбиваемые метелью,

замерзая, шли до дома, где жил в комнате коммунальной квартиры мой отец. Шли, и я представляла, как отец нас встретит, как обрадуется, как мы обогреемся. Когда мы постучали – нам открыла изумлённая соседка. Оказалось, что отец с мачехой решили, что в метель мы в гости не придём, и пошли в кино на вечерний сеанс. Как же так?! Ведь мы же договорились о встрече! Они обязаны были ждать нас, несмотря ни на что! Мы, дети, в такую даль шли по такому холоду, чтобы сдержать данное нами слово, а взрослый человек, убеждавший нас в своей любви к нам – так наплевательски отнёсся к нам и к нашему договору с ним! Интерес мачехи сходить в кино – оказался для него важнее, чем наш приход, да ещё в такую холодищу! Это было очередное предательство со стороны отца, которого мы в этот вечер так и не дождались. Соседка нас накормила и положила спать в своей комнате, на своей кровати. Мне было даже не обидно а очень больно на душе, и я дала себе слово, что больше никогда не приду к отцу в гости, и ни встречаться, ни общаться с ним больше не буду! Утром я не хотела ни видеть его, ни выслушивать его оправдания, хоть он и пытался объяснить случившееся, искренне не понимая, что же меня так расстроило, или делая вид, что не понимает... Но с тех пор я его больше не видела, и к нему не ходила. Валерка ходил, говорил, что отец спрашивает про меня, что хочет меня видеть и объяснял мне, что нельзя же быть такой принципиальной и такой упрямой, но его объяснения на меня не действовали. Встретились мы с отцом только лет через семь, на похоронах его матери, моей бабушки. Предательства я не прощала, и общение с такими людьми обрубала сразу и навсегда - такой был характер. Я вообще не любила и не умела делать ничего постепенно: если рвала с кем-то отношения, то резко, вычёркивая из памяти, и уже не вспоминала, как будто человек этот для меня прекращал существовать. Видимо, это работал инстинкт самосохранения: бесконечные переживания и воспоминания о причинённой мне боли, наверное, могли нанести большой вред моей эмоциональной натуре.

Третий класс я окончила неплохо, а мама перешла на третий курс в пединституте. Кроме стипендии мама получала небольшие алименты от отца. Понятно, что жили мы очень небогато, но это не помешало нам всем троим съездить летом к маме на её родину – в небольшой украинский город Шостку, где и я родилась и прожила два первых года своей жизни. Город Шостка был известен на весь Союз своей фабрикой киноплёнки, где когда-то, после войны, работала мама. Билеты на поезд были довольно дешёвыми, поэтому народ мог позволить себе кататься по всей стране свободно! Дорога проходила через Москву, где мы провели целый день, успели даже съездить на Воробьёвы горы, где находился Московский университет. Мама повела нас туда на выставку роз, где обещали показать выведенную биологами МГУ чёрную розу. Розы – мамины любимые цветы, поэтому ей очень хотелось побывать на этой выставке. В помещение, где проходила выставка, мы поднимались на лифте. И странно, но саму выставку я помню очень плохо, а вот эта первая поездка на лифте – это произвело на меня самое сильное впечатление! Особенно потрясающим был момент, когда кабина лифта начинала опускаться вниз – пол уходил из-под ног, и мне казалось, что на секунду я зависала в воздухе, у меня захватывало дух и перехватывало дыхание, точно так же, как потом, позже на самолётах, когда они попадали в воздушные ямы. Мама попросила какого-то работника этого корпуса, чтобы он позволил нам подняться на самый высокий этаж, чтобы оттуда показать детям, то есть нам, Москву. Разрешение было получено, и мы съездили и смотрели на Москву сверху, и это было замечательное зрелище! Побывали мы и в Ленинской библиотеке, но с детьми туда не пускали, так что мы лишь холл видели, но это был величественный холл! И, конечно, мы были в мавзолее! Фотоаппарат и сумку с покупками мы сдали в камеру хранения, которая находилась перед Красной площадью. Очередь была огромная, но она постоянно двигалась, так что в конце концов и мы дождались. Перед входом предупредили, чтобы никто не останавливался перед гробом и не мешал потоку людей. Внутри было очень торжественно: тихая скорбная

музыка, тёмная облицовка стен, притушенный свет и бесконечный поток людей плавно и бесшумно обтекающий гроб вождя. Скорбная печаль и человеческая боль заполняли этот небольшой зал так плотно, что в душе моей что-то шевельнулось, и на глаза навернулись слёзы. Всё время прохождения вокруг гроба, я не отрывала взгляда от лица вождя, и мне казалось, что я должна понять, впитать в себя какое-то знание, которое мне пока недоступно.

Когда я училась в четвёртом классе – меня укусила собака. А было это так. Мартовским солнечным воскресным днём мы с подружкой Раей решили пойти в кино. Весна была ранняя, земля оттаяла, но лужи высохнуть ещё не успели; в них отражалось солнце; и мир, казалось, освещался солнечным светом не только с яркого безоблачного неба, но и снизу, от светящихся солнечных луж. Настроение было радостно-весёлое, тем более, что в кинотеатре нас ждала очень смешная комедия. Наконец-то все вырядились в весенние одеяния, сбросив надоевшую зимнюю одежду, и сразу же построились. Я заглянула к Рае, но она ещё только одевалась: не ждать же её в доме, когда на дворе такая весна! Я крикнула Рае, чтобы она быстрее одевалась и догоняла меня, а я потихонечку пойду. Напротив наших барачных находились сараи, где у каждого что-нибудь хранилось – овощи, консервированные на зиму ягоды и фрукты, или какая-нибудь старая рухлядь, которая в доме уже не нужна, но выбрасывать которую ещё жалко. Возле сараев было немного посуше, так как это была солнечная сторона, вот туда я и направилась не спеша, в ожидании Раи. Я о чём-то задумалась и даже не слышала, как она меня догнала. Рая неожиданно дёрнула меня за полу моего осеннего пальто как раз в тот момент, когда я переходила большую лужу. Я не оглядываясь шутя хлопнула рукой по её руке, засмеявшись: «Райка! Ну хватит уже дурачиться!»... и вдруг моя рука ощутила что-то влажно-слизьюное и волосатое. От такой неожиданной неадекватности ожидаемого и реального я была настолько шокирована и

изумлена, что тело моё мгновенно пронзила мощная волна не то страха, не то ужаса, не то омерзения. Потеряв равновесие, я поскользнулась и шлёпнулась в лужу, которую как раз собиралась перешагнуть. Огромная овчарка нависла надо мной. Обозлённая, что её ударили по морде, она набросилась на меня, зубами разрывая моё новое осеннее пальто, и меня под ним. Она возвышалась надо мной, распластанной на земле, она до крови грызла мою ногу и то, что выше ноги, и то, что ещё выше того, что выше ноги. Мне казалось, что собака медленно и педантично грызёт меня, а я не могла понять, почему это я лежу и ничего не делаю?.. Я впоследствии замечала за собой это любопытное свойство моей нервной системы: когда возникало сильное эмоциональное потрясение, мозг начинал работать с невероятной скоростью, а тело и всё окружающее, двигаясь со своей обычной скоростью, казалось замедленным. Так, много лет спустя, когда мы с сыном и мужем катались на колесе обозрения и были почти на самом верху, у люльки, в которой мы сидели оборвалось одно из двух её креплений, а на втором появилась расширяющаяся трещина, и возникла реальная угроза нашего семейного падения с высоты – время тоже замедлилось, почти остановилось. И когда я, спустя ещё пару десятилетий, поскользнувшись зимой, упала в неглубокую яму и надо мной нависли колёса зависшего над этой же ямой, над моим телом, грузовика – время опять почти остановилось. Я смотрела на эти колёса и думала: «Забавно... я тут так странно разлеглась под этими колёсами – как будто на пляже под солнцем лежу и загораю. Нет, правда, и чего я тут разлеглась? Надо выбираться, а то меня раздавит, а мои ребятки ещё выучиться не успели, кто без меня о них позаботится?» И я медленно (как мне казалось) и неуклюже выкарабкалась из ямы, и время снова пошло своим обычным ходом. А шофёр выскочил из машины весь зелёный от ужаса и что-то кричал...но я махнула рукой и пошла спокойно по своим делам, даже не испугавшись, а лишь удивившись собственному спокойствию...

Но вернёмся к эпизоду с собакой. Собака медленно открывала пасть, наклоняла голову и медленно сводила скулы, зажав кусок моего тела,

покачивая головой из стороны в сторону, затем она открывала пасть, отпуская меня, и тут же делала следующую попытку... Я выкарабкивалась из лужи, как мне казалось, очень-очень медленно, не понимая, почему я не могу двигаться быстрее? Но как потом рассказывали соседи-очевидцы – всё произошло довольно быстро, и от собаки я быстро отползла, а собака была привязана, к моему счастью, если так можно сказать. На шум сбежались все, кто был рядом, собаку оттащили, меня подняли. Боли я вначале даже не чувствовала, но меня трясло от какого-то панического омерзительного ужаса. Видимо, это был шок. Кровавые клочья грязной одежды на правом боку напугали и моего брата, прибежавшего на шум, а мамы дома не было. То ли Валерка сам был такой умный и знал, что надо делать, то ли ему об этом сказали обступившие нас люди. Но он схватил меня на руки и потащил в больницу. Почти всю дорогу он тащил меня на руках. В больнице мне обработали раны, залепили, перевязали, сделали укол против столбняка. Потом к нам подошёл врач и сказал, что нужно обратиться в какой-то центр, чтобы собаку проверили на бешенство. А то придётся делать уколы против бешенства: сорок штук, да ещё в живот... Ужас! И мы с Валеркой пошли домой. Но «сюрпризы» на этом не кончились. Постепенно мне стало всё труднее и труднее открывать глаза: веки набухли, покрылись какими-то крупными буграми. То же самое стало происходить и со всем телом, даже дышать стало немного трудно, видимо от испуга по поводу нового неадекват. Хорошо, что мы были ещё недалеко от больницы. Мы вернулись туда. Доктор сказал, что это у меня аллергическая реакция на противостолбнячную сыворотку. Дал мне выпить какую-то гадость из мензурки и сказал, что это пройдёт, но мне пока нельзя будет мочить кожу, нельзя даже умываться, пока всё не пройдёт. А оно ещё и чесаться начало, и очень сильно... Вот так сходили мы с Райкой в кино?! Прошло всё окончательно только дня через три. В центр, о котором говорил врач - мы с мамой сходили. Мне там сделали два или три укола в мягкое место. Собака оказалась не бешеная. Всё обошлось. Раны мои постепенно затянулись. Но

собак я ещё долгое время старалась обходить стороной. Время шло, случай этот уходил всё дальше и дальше в прошлое, но в памяти остался ярким воспоминанием.

22 апреля меня приняли в пионеры! Ура! Мои эмоции. После уроков мы готовились к только-только входящему в моду КВН: придумывали и репетировали различные сценки, танцы, диалоги. Готовились к ежегодному смотрu художественной самодеятельности. Пели в школьном хоре: «И на Марсе будут яблони цвести...» Пятый класс, я сагитировала Свету Ваганову и Любу Наумову ходить в драмкружок к заслуженной артистке СССР Соловейчик. Чтение стихов со сцены. Концерты. Подготовка к спектаклю «Два клёна». Я – роль матери. Но вторая смена в которую мы стали заниматься в школе после нового года, пересекалась со временем занятия в драмкружке, пришлось бросить, хоть мне и нравилось, но гораздо меньше, чем гимнастика, которой мне пока заниматься не разрешали врачи. Прошло не пять, а только три года после лечения ревматизма в больнице, но я, чувствуя себя совершенно здоровой, больше так не могла! Я сагитировала своих подружек Люду Лебедеву и Аллу Дьякову, и мы троём пошли поступать в секцию спортивной гимнастики в тот самый спортзал, где я раньше уже занималась. Спортзал – это было огромное здание, высотой с трёхэтажный дом, пространство внутри – светлое, огромное! Всё в оконных стёклах, на которых прикреплены металлические решётки, чтобы мячами окна не выбивали. На полу – длинные дорожки положенных матов, спортивные снаряды везде! Одновременно в нём занималось несколько групп гимнастов. Весь этот внутренний вид спортзала – воодушевлял и вызывал желание двигаться, прыгать, бегать, летать! Вот сюда мы с Аллой и Людой и пришли поступать. Наш будущий тренер Дина Дмитриевна проверяла нас на гибкость, растяжку и смотрела, как работает вестибулярный аппарат: нам надо было сделать мостики, шпагаты и серию кувырков. Мы, как смогли это всё проделали. У меня всё было хорошо со всеми показателями, у Аллы была

феноменальная гибкость! И (Ура!) нас с Аллой приняли! А Людмиле сказали, что у неё нет гибкости, мост железнодорожный, и не приняли, к нашему огромному огорчению. Люда жутко расстроилась и сказала: «А я всё равно буду ходить!» и ходила! Её, к счастью, никто не гнал, просто с ней не работали. Она дома делала много упражнений на гибкость и растяжку! А когда через некоторое время у Люды стало получаться не хуже нашего – её в секцию всё-таки взяли! Добилась Люда, чего хотела! Самое любопытное, что именно она и добилась результатов в гимнастике: стала мастером спорта, а не мы с Аллой: Алла года через два бросила гимнастику и занялась то ли пением, то ли ещё чем-то, а я – мне судьба снова перекрыла эту дорогу, к моему огромному сожалению. Я потом ещё годами без боли не могла смотреть на гимнастические выступления – до слёз было обидно, что меня из гимнастики вырвали, как дерево вырывают с корнем из почвы... Но это позже... А пока – я тренировалась с фанатизмом – обожала гимнастику! Дни, когда были тренировки – были для меня праздничными, а дни, когда тренировок не было – казались пустыми. Тренер меня хвалила: кроме хорошей гибкости и растяжки – я ещё была смелая. Я воспитывалась братом, который презирал трусов, а меня обучал разным приёмчикам, чтобы я не боялась драться и могла постоять за себя, если понадобится. Смелость была важной чертой, уважаемой Валеркой, который был для меня тогда авторитетом, поэтому трусость и даже осторожность были из меня выбиты с самого детства. В той среде, где я росла – смелость, решительность, честность, щедрость были уважаемыми качествами, и они в нас укрепились на всю жизнь. Слова «трус» и «нечестный» - были самыми большими оскорблениями. Одно это слово, брошенное кем-нибудь, могло «припечатать» и «размазать по стене». Поэтому и на тренировках мне вполне хватало смелости выполнять новые упражнения, которые нам объясняла Дина Дмитриевна. Когда она объясняла – я всё это представляла в уме – как будто бы видела выступление гимнаста, выполняющего это упражнение, ясно понимая, как оно выполняется. И я всегда вызывалась первая показать

его. И уже на мне это упражнение показывалось и разъяснялось, как конкретно оно делается, какие моменты могут вызвать трудности и тому подобное. После меня, обычно подхватывала Люда, и далее – остальные. Гимнастика – это было счастье! Я любила её, я упивалась ею! Легко проходили и квалификационные соревнования. Больше всего я обожала вольные упражнения, вносила туда много пластики, любила придумывать связки между элементами! Меньше всего я любила бревно. Несмотря на удачную для расположения центра тяжести фигуру – равновесие представляло для меня большую проблему! Бревно давалось мне действительно с трудом. Зато всё остальное – что прыжки, что брусья – я тоже любила: руки у меня были крепкие, сильные, прыгучесть тоже не на последнем месте. А ещё у нас был снаряд – кольца. Да, да! Их у девочек как раз в тот год и отменили, но когда мы начали заниматься – этот снаряд у нас ещё был! Мы развивали подвижность плечевых суставов и силу рук. Успехи у меня были хорошие, так что я была включена в команду, которая вскоре должна была поехать от Барнаула на зональные соревнования по гимнастике в Томск. Я была счастлива, я была на седьмом небе! Подготовка была довольно интенсивной. Но нужно было согласие родителей, их подпись. Мама-то не знала, что я хожу на гимнастику, а то запретила бы! Ведь ревматолог мне запретил активно двигаться! Но я двигаюсь, и всё прекрасно! Но мама, если узнает об этом, не то что не подпишет согласие, а вообще запретит мне посещать тренировки! И я спросила, а можно ли, чтобы разрешение подписал мой старший брат, так как мама в командировке, а папы у меня нет? Конечно, ни в какой командировке мама не была, мне пришлось соврать, но жизни себе без гимнастики я просто не представляла! Мне сказали, что в такой ситуации – может и старший брат подписать. Я сказала Валерке, и он пришёл и подписал. Ура! Дорога открыта! И я активно приступила к интенсивным тренировкам – начался сплошной праздник! Но неожиданно в больницу попадает мама. Как потом выяснилось, ей предстояла сложнейшая гинекологическая операция, после которой

женщины очень не скоро встают с кровати. Правда, нам она сказала, что ей будут удалять полипы. Положили её в краевую больницу – это было за городом, в лесополосе, хотя автобус туда ходил. Мы с Валеркой к ней ездили. На дворе стояла середина мая.

...И вдруг эта нелепая простуда, да ещё с температурой! Откуда она взялась? После того, как мне удалили гланды - я почти вообще никогда не простывала! Но не бросать же тренировки из-за этой нелепости! И я продолжала тренироваться. Время отъезда в Томск приближалось... Но однажды поздним вечером у меня вдруг закололо сердце. Боль была сильная, не прекращающаяся, дышать было очень сложно. Валерка вызвал скорую помощь. Мне сделали укол, но сказали, что я должна обязательно идти к врачу! На следующий день – боли в сердце повторились, хоть и давящие. Я обратилась к своей тёте Зине, она показала меня ревматологу, и меня тут же положили в детское отделение той же краевой больницы, где когда-то тётя Зина удаляла мне гланды, и где в соседнем корпусе взрослого отделения теперь лежала мама. Оказалось, у меня ревмокардит, острая фаза. И предстоит долгое лечение – не меньше месяца... Это был для меня конец! Конец гимнастики, конец счастья, конец мечты. Мне было двенадцать лет, у меня были спортивные планы, у меня был шестой класс школы, у меня были друзья, общение, у меня были мои «воспитанники» в бараке и т.д. И всё это разом рухнуло... Состояние моё можно было бы назвать тяжелейшей депрессией, но тогда меня старались лечить от болезни сердца, обращали внимание только на физиологические показатели. И опять, как после бега по росе – таблетки, уколы, уколы, таблетки... и опять – постельный режим... В школе мне годовые оценки за шестой класс выставили – училась я хорошо. А вот с гимнастикой – я прощалась долго и болезненно второй раз в своей жизни. Мне сказали, что теперь мне вообще нельзя будет ею заниматься. Прележала я там полтора месяца. Мама уже давно выписалась из своей больницы. Она после операции начала вставать уже на третий день, хотя

обычно такие больные долгое время ещё лежат. Но то, что она у меня героическая, я уже писала здесь. Мама приходила ко мне в больницу часто, приносила что-нибудь вкусненькое, старалась меня как-то поддержать. Приходил и Валерка, правда, реже. Заходила часто и тётя Зина – она работала в корпусе взрослого отделения. А вот отец не приходил. Никогда. Не приходил он и позже, когда я была практически при смерти, и мама забрала меня из больницы домой умирать. Так что я лишний раз убедилась, что вычеркнула его из своей жизни ещё в восьмилетнем возрасте - не зря. Ну да ладно, это скорее на совести его жены, которая никогда не хотела, чтобы отец мой со мной общался, считая меня слишком резкой, категоричной и требовательной. Наверное, потому, что мне она всегда казалась очень фальшивой, лживой и неискренней. Лечили мне сердце до самого июля. Видимо, это было осложнение от физических нагрузок на тренировках по гимнастике во время гриппа. Вначале около месяца я была лежащая, затем – ходячая, появились больничные друзья, с которыми я и встретила свой тринадцатый день рождения. Лёжа в два часа ночи в четырёхместной палате, я принимала устные поздравления от своих новых друзей – это была торжественная часть праздничной ночи. После этого у нас был виртуальный пир: каждый рассказывал о блюдах, которые хотелось бы сейчас поесть. Рассказать надо было так, чтобы у слушателей буквально слюнки потекли. В больнице мы, конечно, не голодали, но пища здесь была специфическая: диетическая – у кого-то недосоленная, у кого-то и вовсе не солёная, варенная-паренная, но только не жаренная; большую долю нашего рациона составляли каши, что для меня, например, – обожателя картошки – было труднопереносимо. Вот мы и решили устроить праздничный пир из любимых блюд, и несмотря на то, что пир был виртуальным – вкусовые ощущения наши казались нам вполне реальными. Кроме шоколада и мороженого – у каждого были свои вкусы. Я, как виновница торжества, открывала пир своим любимым пышным зажаристым омлетом со сметанным салатом из помидоров и огурцов. Кто-то рассказывал о толчёной картошке с мясной

подливкой и так далее. Каждый с аппетитом говорил о своих блюдах, расписывая их во всех деталях так, что кажется, уже ощущался вкус и запах. Таким образом завершив пиршество и «наевшись до отвала», мы перешли к культурной части программы: рассказывали смешные истории из своей жизни – и смеялись, уткнув носы в подушки, чтобы не будить ребят из соседних палат и не привлекать внимание ночных медработников. Вдоволь насмеявшись, мы приступили к игре-викторине. А заключалась она в следующем: кто-то один чётко называет первые буквы из названия художественного фильма, а остальные должны угадать и сказать полное название. Кто первый угадает – уже тот загадывает следующий фильм. Например, чтобы загадать фильм «Девочка ищет отца», надо было чётко произнести: «Д», «И», «О». Если долго никто не мог отгадать очередную загадку – можно было взять подсказку: имя главного героя, или название города, где происходят события, или ещё что-нибудь... Эта викторина, такая активная вначале, постепенно перерастала в вялотекущую, мы все уже сильно хотели спать, язык еле ворочался, и голова совсем туго соображала. Постепенно вырубилась и уснули все. А рано утром мы клевали носом, усыпали, ставя градусники себе под мышки, глотая таблетки и переворачиваясь на животы, подставляли свои мягкие части тела под острые шприцы... К завтраку только и оклемались, с трудом пытаясь вспомнить: кто на каком фильме уснул вчера, да так и не смогли это сделать. Этот свой необычный день рождения я очень хорошо запомнила: было и радостно, и весело, и даже вкусно, потому что на нашем виртуальном столе было всё, чего бы мы ни пожелали! Как в сказке на скатерти-самобранке. Оказывается, веселиться можно даже лежащим больным на больничной кровати, если болей сильных нет... Позже, когда я начала уже вставать и ходить – мы с девчонками выходили из здания и наслаждались чистейшим воздухом, гуляя по лесным тропинкам вблизи нашего больничного городка, построенного в густом кедровом сибирском лесу. Мы тогда увлеклись декламацией стихов, поэтому старательно работали над дикцией, собрав в свой рабочий актив

десятки различных скороговорок и соревнуясь в скорости их произношения. Это мне пригодилось позже, когда я выступала на концертах художественной самодеятельности, читая стихи со сцены. Вышла из больницы я только в начале июля...

Итак, моя вторая попытка стать великой гимнасткой снова с треском провалилась и закончилась в больнице, а на мою спортивную карьеру врачами снова был наложен строгий запрет.

Врачи посоветовали маме укрепить моё здоровье поездкой в деревню – на свежий воздух и парное молоко. Мама, выписавшись в мае из больницы после операции, успела защитить диплом, закончив учёбу в педагогическом институте, распределилась на работу учителем математики и черчения в свою же вечернюю школу. Работа начиналась с сентября, а всё лето было свободным. В пединституте мама дружила с молодой женщиной Ольгой Великосельской, у которой была годовалая дочка и муж, родственники которого жили в деревне. Вот Ольга то и пригласила нас с мамой пожить месяц в той деревне, чтобы укрепить моё здоровье, и мама согласилась. На поезде мы должны были доехать до какого-то посёлка, где нас встретят, и на лошади уже довезут до нужной нам деревни. Поехали мы вчетвером: мама со мной, и Ольга с дочкой.

...

В школе меня автоматически перевели в седьмой класс, поэтому новый учебный год я снова встретила со своим классом. Но ни бегать, ни прыгать, ни посещать физкультуру мне было опять нельзя. И снова мне запретили выполнять все работы, связанные с водой, кроме купания и умывания, чтобы не спровоцировать новую атаку ревмокардита. После перенесённой сердечной боли, физических страданий и больничной изоляции – я как будто

бы стала старше своих ровесников. Во всяком случае – я ощущала себя старше их.

Чистоту в классе мы поддерживали сами посредством дежурства. Дежурили обычно по два человека, сидящих за одной партой. В обязанности дежурных входил приход в класс до начала уроков, чтобы протереть пыль, полить цветы на подоконниках, намочить тряпку, протереть доску, подготовив её к уроку. А на перемене дежурные, выпроводив всех из класса, проветривали помещение, открывая окна или форточки, и отвечали за сохранность всех вещей, находившихся в классе. А после уроков дежурные оставались и мыли полы. Чтобы освободить пространство для мытья пола, мы «переворачивали» парты, поднимая одну сторону парты до тех пор, пока она не становилась на полу на бок. Освободив таким образом ряд, мы промывали пол, и вновь возвращали парты на прежнее место. После промывания полов под всеми рядами, мы промывали пространство между партами и доской, а мокрую тряпку оставляли у порога, чтобы вытирать ноги при входе в класс. В классе обычно было три ряда парт, в каждом из которых – по шесть или семь парт, то есть всего около двадцати. К началу второй декады сентября подошла очередь дежурить и нам со Светой Вагановой. А так как у меня была справка из больницы, что мне запрещены все работы, связанные с водой, то в помощь Свете дежурными назначили и следующую за нами парту, то есть двух мальчишек, сидящих за нами. Они с энтузиазмом носили вёдра с водой, переворачивали парты, но весь пол Света собиралась мыть сама. Я, конечно, тоже осталась после уроков – протирала пыль, что-то переставляла, вытаскивала из парт обрывки бумаг, но меня мучила совесть – Светка одна моет весь класс... Убедить мальчишек помочь ей я не смогла: в круг моих друзей и даже приятелей они не входили, зато они заранее договорились со Светой, что они будут делать всю физически тяжёлую работу, а она – всё помоеет. Света согласилась, так что мои уговоры были бесплодными: «договор дороже денег». Но я видела, что Света уже устала, а

совесть продолжала меня терзать, и я не выдержала. Забрав у Светы тряпку, я всё-таки вымыла то, что осталось: пространство перед доской и у входной двери. Пол мылся в три этапа: вначале его замачивали очень мокрой тряпкой, с которой вода почти стекала, затем, выкрутив тряпку, «собирали грязь», после чего уже пол вытирали насухо. На первом, и особенно на втором этапе легко можно было промочить ноги, что я и сделала, как ни старалась этого избежать. Учились мы тогда во вторую смену, поэтому домой я шла вечером, а в середине сентября вечером уже прохладно, поэтому ноги мои не только промокли, но и замёрзли. Ну и результат был предсказуем: снова начались боли в коленных суставах и в сердце. Утром я опять не могла наступить на ноги, и с диагнозом «ревматизм, острая фаза» - меня опять положили в детскую больницу, но не в краевую, а в городскую, недалеко от дома. Мама заходила ко мне теперь каждый день и приносила что ни будь вкусненькое, но разрешённое врачами. На ноги меня там поставили быстро, я стала ходячей, но курс лечения в полтора месяца: таблеток, уколов и различных процедур пройти мне пришлось. Завтрак и ужин – каши: овсянка, перловка, манка, гречка. Я их терпеть не могла, поэтому я выпивала компот или чай с хлебом – это были мои завтраки и ужины. Обеды были вкусными, так что я привыкала хорошо наедаться раз в день. По вечерам мы стаскивали в кучу продукты, оставшиеся от передач, которые мы получали от родственников и лакомились. В передачах, конечно, можно было передавать лишь те продукты, которые не навредят, то есть, близкие к диетическим, и то немного. Но это были всё-таки домашние продукты! Столовая, где питались ходячие больные, представляла собой небольшую комнату, посреди которой стоял огромный стол, состоящий из шести сдвинутых вместе обычных столов, поверхность которых была накрыта одной большой клеёнкой. Вокруг этого большого стола – деревянные скамейки. Уместиться там могли человек двадцать одновременно, так что во время еды один ряд всегда оказывался лицом к лицу другого ряда. Это и послужило толчком моего бурного, но короткого конфликта с самой старшей из всех девочкой. Как-то во время еды

я о чём-то задумалась, а взгляд мой при этом случайно остановился на этой кушающей девочке Вале просто потому, что она оказалась сидящей прямо передо мной. Наверное, моему взгляду это место показалось наиболее удобным для того, чтобы остановиться на нём, пока я о чём-то размышляла. Моё сознание Валу не видело, оно было направлено внутрь, на те образы, которые действовали в моём сознании, поэтому я была удивлена, когда вдруг услышала: «Чё зыришь?» и увидела злые глаза Вали, направленные на меня. Я удивлённо посмотрела ей в глаза, искренне не понимая причины такой агрессии. А Валя опять: «Ну чё вылупилась?». «Хочу и смотрю! Интересно!» - задиристо ответила я. Конечно, мне не было интересно, да и смотреть я на неё не смотрела, просто во мне от рождения жило чувство справедливости типа: «Око за око, зуб за зуб», а не христианское «Когда тебя ударят по правой щеке – подставь левую». Поэтому на доброжелательность я отвечала доброжелательностью, а на агрессию – агрессией. К тому же я с детства слышала и впитала в себя идею популярного тогда лозунга: «Ответим двойным ударом на удар поджигателей войны!». Ну, если бы эта Валя сказала мне: «Не смотри на меня – мне это неприятно», я бы, конечно, постаралась этого не делать даже случайно. Но когда эта же мысль была выражена таким грубым, оскорбительным образом – я уже не могла ответить на это мирно, и не смотреть на неё уже не могла. И я смотрела прямо ей в глаза, почти не мигая. Валя покраснела от злости, казалось, она готова была запустить в меня своей тарелкой, она почти закричала: «Не смотри на меня!». А я, глядя ей в глаза: «Куда хочу – туда смотрю! Не садись передо мной!». Валя к тому времени уже почти доела всё. Она встала из-за стола, убрав за собой посуду и пообещав отлупить меня, если я ещё буду на неё смотреть. Но угрозы на меня всегда действовали как красное на быка. Я считала делом чести отвечать открытым ударом на удар. Я не была дипломатом, я была бойцом, да и общество того времени культивировало и развивало в нас такие качества, как смелость, храбрость, честность, открытость, принципиальность. И я была дитя своего времени. Я сказала, что обязательно буду на неё

смотреть, если она будет садиться напротив меня. Валя ушла. Она была крупной девочкой даже для своих 15 лет, а я – невысокой и щупленькой даже для своих 13 лет. К бою надо было подготовиться, освежить в памяти приёмчики, которым научил меня мой братик. Свидетелем нашего конфликта была Наташа, с которой я уже успела подружиться – моя ровесница, стройная, очень красивая и очень доброжелательная со всеми, она не любила конфликты, бои, принципы. Она была дипломатичной и очень мягкой. Ей очень понравилась моя игра, о которой я ей рассказывала: во время прогулок, я глядя на какого-нибудь прохожего – старалась считать, как с листа, его эмоциональное состояние в данный момент, увидеть, что он сейчас думает, угадать его профессию, семейное положение, а затем – представить его глазами окружающее, в том числе и себя. Это очень и очень интересно! Вот мы с Наташей уже вместе так играли, глядя из окна больницы на прохожих... Так вот, Валя, как и я, была приятельницей Наташи, которая и решила нас примирить. О чём уж она там с Валей разговаривала – я не знаю, но когда мы в следующий раз оказались в столовой, и я уже была готова даже к драке, а не только к словесной перепалке, – Валя села рядом и предложила «мир», она сказала, что ей тоже интересно то, чем мы занимаемся и она предлагает играть втроём. Так мы и подружились с этой неглупой эмоциональной девушкой. Мы очень увлеклись этой психологической игрой. Объектами нашего наблюдения были не только прохожие за окном, но и медперсонал. Но самыми удобными объектами были ребята, с которыми мы лечились, потому что мы могли у них спрашивать и узнавать: кто же из нас был в своих предположениях ближе к истине. В общем, мы нескучно проводили время. Правда, продолжалось это недолго, так как через неделю Валю выписали, а вскоре выписали и Наташу. Больше я их никогда не видела. Из больницы я вышла только в ноябре... Врачи отправили меня в академический отпуск до сентября 1964. Бегать, прыгать, поднимать тяжёлое, заниматься деятельностью, связанной с водой, нервничать – всё это было мне категорически запрещено. Я обязана была гулять на свежем воздухе,

отдыхать, правильно питаться и выздоравливать, чтобы в следующем учебном году я смогла продолжить учёбу в школе, правда, уже не со своим классом, а с теми, кто был на год младше... А что поделаешь?..

Потихонечку я начала «гулять на свежем воздухе». Легко сказать, но КУДА гулять? Просто бродить по улицам вообще – я не умела, меня это очень и очень напрягало и раздражало, мне это было очень тяжело, как наказание. Надо было что-то придумать. Так я придумывала себе какой-нибудь сюжет, включая себя в этот сюжет в качестве персонажа, когда надо было выполнять тягостно-скучную работу, чтобы стало интересно её делать. Но то были однократные работы, а ГУЛЯТЬ мне предстояло ежедневно, и не один месяц. Придумывать себе сюжеты каждый день – на это моей фантазии могло не хватить. Здесь надо было придумать что-то другое и надолго. Нужно было найти какое-то дело. И оно нашлось: когда я попала в больницу в мае 1963 и была прикована к постели – я постепенно увлеклась поэзией. Больным детям приносили книги из больничной библиотеки, вот я постепенно и приобщилась к чтению стихов. Лет в восемь-девять я пыталась писать стихи, но пришла к выводу, что они неинтересны: мне никак не удавалось выразить то, что хотелось выразить; получалось всё как-то скучно, не так... я поняла, что мне не стоит заниматься этим. Но когда я оказалась на какое-то время прикована к кровати – я начала читать поэтические сборники, интересоваться и современной поэзией... Теперь мне очень пригодилось это увлечение! Я решила, что нескучно будет гулять и дышать свежим воздухом, если при этом учить наизусть стихи! У меня было уже несколько записных книжечек небольшого размера, уместающихся в кармане, в которые я записывала полюбившиеся мне стихи. У меня не было любимого поэта, но были стихи разных поэтов, в том числе и современных, которые мне очень понравились, полюбились, и которые я от руки переписывала в эти записные книжечки. Я шла гулять, положив в карман одну из этих книжечек. Гуляя по

улицам, я учила стихи наизусть, периодически заглядывая в книжечку, проверяя себя... В то время очень популярным современным поэтом был Эдуард Асадов. У меня было много его переписанных стихов, так что их я и учила, кроме всех прочих. В дальнейшем, мне удалось даже купить его сборник, который я позже подарила своей подруге. Так, уча стихи наизусть, размышляя, наблюдая за окружающими, играя в уже описанные выше психологические игры, я и гуляла, дыша свежим воздухом часа по два в день, укрепляя своё здоровье. Но это меня не спасло. В феврале 1964 года я снова попала в детскую больницу с сердечным приступом. И снова – постельный режим, обходы врачей, уколы, таблетки... Однажды, уже в начале марта, на обходе врач обратила внимание на мои глаза: «Белки жёлтые! И кожные покровы желтоваты. Не желтуха ли?» К тому же, у меня начал побаливать правый бок. Врач и решила, что это боли в печени. Меня срочно изолировали, собираясь отправить на машине Скорой помощи в инфекционное отделение, поставив диагноз «болезнь Боткина». У меня взяли анализы... Но тут очень вовремя, подошла моя мама, которая наотрез отказалась вести меня в инфекционное отделение, сказав, что у меня давно уже белки желтоватые, с тех пор, как я лежала с ревматизмом в больнице ещё первый раз, и никакой желтухи у меня нет! Как врач ни объясняла маме, что в больнице меня обследуют очень тщательно, чтобы полностью исключить предполагаемый диагноз, мама стояла на своём, отвечая, что в этой больнице я как раз и заражусь желтухой, если меня туда отправят. И забрала домой под подписку о том, что врачи снимают с себя ответственность, а она эту ответственность берёт на себя. Видимо, ей это позволили сделать именно потому, мой анализ не подтвердил страшного диагноза, а они боялись распространения возможной инфекции и перестраховывались. Её предупредили, что если это всё-таки окажется желтуха, и хоть кто-нибудь в доме заболеет – её привлекут к ответственности. Но маму – бывшую фронтовичку - это не испугало, и на скорой помощи меня привезли не в инфекционное отделение больницы, а домой. Я снова оказалась на своём

диване! Но радость-то была недолгой: кроме болей в сердце и ревматических болей в коленях, боль в правом боку начала усиливаться. За ночь дважды вызывали скорую. Приезжавшие врачи предлагали возить меня в больницу, а после отказа мамы – делали мне какие-то уколы и уезжали. Но боли перерастали в приступообразные, дикие, когда уже на стену лезть хотелось. Бок просто разрывало... К утру скорую вызвали третий раз, и меня забрали в больницу, мама поехала со мной. В приёмном покое меня осмотрели и госпитализировали с диагнозом острый холецистит. Мама поехала на работу – она вела математику в школе рабочей молодёжи. А я лежала в огромной палате, кроватей на тридцать, и мучилась от нестерпимых приступообразных болей, приступы удлинялись, а промежуток между ними сокращался, не давая мне возможности даже отдышаться. Тут начался обход. Ко мне подошёл врач – огромный, высокий, упитанный и весёлый: «Ну как тут у нас дела?» - он начал щупать живот как раз, когда приступ боли был в самом разгаре. Я закатила глаза, пытаюсь не заорать от боли. И тут он громко говорит: «Срочно в операционную! Где её родители?» Я: «Мама уехала на работу». Он: «Пока мы с ней свяжемся – упустим время!» и говорит мне: «Значит, тебе самой придётся подписывать согласие на операцию. Ждать нельзя! Аппендикс может лопнуть!» Вот так штука! У меня никакая не желтуха, и даже не холецистит! У меня аппендицит! Конечно, я подписала согласие на операцию, корчась от боли. Меня переложили на каталку и повезли в операционную, а острые, нестерпимые, дикие боли всё повторялись и повторялись, и мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание... И вот я на операционном столе. На уровне груди мне поставили какую-то ширмочку, наверное, чтобы я не видела, как меня будут резать. Но сверху нависала огромная лампа-прожектор, размером с полметра в диаметре, и пока её не включили, я видела в ней отражение той моей части тела, которую от меня отделили ширмочкой. Рядом – хирург, тот самый, который делал обход, а с ним – ещё врачи и студенты-медики. Одна студентка – очень молоденькая стояла возле моей головы и смачивала мне

губы влажной ваткой в течение всей операции и обтирала испарину на моём лице. Операцию проводили под местным наркозом. Когда мне делали укол с обезболивающим – мне показалось, что меня ножом разрезали по животу и почкам: боль была пронзительная, но короткая. А затем наступило блаженство: дикие приступы боли прекратились, совсем! Я лежала и наслаждалась покоем, а мне чего-то там резали, отрезали... Оказалось, что они сделали обычный при таких операциях разрез, но мой аппендикс оказался расположен, как сказали, «необычно высоко». Так что разрез мне увеличили. Хирург мне говорит: «Сейчас придётся потерпеть. Потянем немножко кишки, будет неприятно», а я отвечаю: «Мне сейчас всё приятно, боль-то прошла!». Я почувствовала какое-то лёгкое движение в животе, но всё было замечательно: от выматывающих приступов они меня избавили, и я была этому очень рада и даже повеселела! Когда я услышала, что мой аппендикс находится выше обычного, и они разрез выше продлили, я подумала, что они ведь смогут заодно посмотреть и мою печень. И я говорю хирургу: «Меня положили с холециститом, а если вы всё равно выше режете – посмотрите заодно печень: есть там холецистит или нет?» и тут раздался дружный хохот, все смеялись, а хирург, смеясь, говорит: «Вы посмотрите! Она ещё и операцией руководить взялась!». Операция закончилась, а хирург потом, на обходах ещё долго неоднократно восхищался, какая я героическая девочка... Мне хоть и лестно было это слышать, но искренне непонятно: в чём тут героизм? Вот терпеть всю ночь ту боль, которая пронизывала меня до операции и не орать от боли – это был героизм. А на операционном столе я отдыхала от боли – в чём тут героизм?.. А героизм начался чуть позже и продолжался около года когда я боролась за свою жизнь.

Хирургическое вмешательство во время ревматической атаки даром не прошло: у меня воспалились все суставы, какие были в моём теле – от ног и рук до шеи. Любое сгибание-разгибание ног, рук, пальцев, любой поворот головы не только причиняли сильную боль, но становились просто

невозможными, сильно ограничивая мои движения. Я лежала, не двигаясь. Когда наступало время обеда, меня приподнимали на дополнительной подушке и кормили из чайной ложечки, так как широко раскрывать рот у меня уже не получалось, челюсть стала малоподвижной. Пила я лёжа на боку из небольшого чайничка. Шов мой очень сильно воспалился, загноился. Несколько дней подряд мне делали перевязки, пока воспаление ни уменьшилось. После этого меня на носилках погрузили в машину и перевезли в детскую краевую больницу. Тётя Зина посодействовала, здесь были лучшие врачи. Лечила меня заслуженный врач-ревматолог Мария Христиановна. В приёмном покое меня положили в ванну, слегка помыли, переодели в больничное бельё и отвезли в палату. В палате было две кровати. Справа от окна уже лежала девочка Люда, рыжеволосая, общительная, лет пятнадцати. Она тоже была лежащая, через пару месяцев ей предстояла операция на сердце, её собирались переправить в Москву. На вторую кровать положили меня. Почти сразу же пришла Мария Христиановна, поспрашивала меня, осмотрела, послушала, постучала, понажимала и ушла делать назначения. Оказалось, давление у меня высокое, сердце расширено, печень увеличена на десять сантиметров, ну а о суставах я уже писала. Режим мне назначили первый – то есть, строго постельный, лежащий, мне не разрешалось даже сидеть в кровати. Честно говоря, сидеть мне и не хотелось – при малейшем напряжении мышц живота возникала резкая боль под правым ребром. Когда ходячие девочки приходили к нам в палату и рассказывали что-то смешное, а я не могла удержаться от смеха – на глаза выступали слёзы от боли в правом подреберье и от колющих сердечных болей. Поэтому, я старалась не слушать ничего смешного. Дышать я вообще могла только поверхностно, при глубоком вдохе – сильно кололо сердце. Читать мне оказалось тоже нельзя: от движения глаз у меня начинались головные боли, и резко подскакивало давление. При малейшем волнении – сердце начинало быстро и с болью стучать и бить по рёбрам. Есть тоже было

проблематично: стоит только немного поесть, и сразу же становится трудно дышать, воздуха не хватает...

Что оставалось делать? Лежать и думать, придумывать разные ситуации, копаться в воспоминаниях, мечтать о будущем, о выздоровлении, о том, как я смогу когда-то встать на ноги, ходить в школу, вспоминать стихи, вспоминать книги, как бы прочитывая в уме то, что помнилось... Маме разрешали проходить в палату, кормить меня, ведь на первых порах я и ложку держать не могла. Лечение постепенно улучшало состояние, и через некоторое время я уже могла самостоятельно держать ложку. А чуть позже – я уже самостоятельно ела, повернувшись на бок. Еду ставили на стульчик возле кровати, суставы почти не болели, я могла сгибать руку и сама подносить ложку ко рту! Это была уже победа, которая позволяла мне надеяться, что возможно, когда-то я смогу ходить!.. Но время шло, а я всё лежала... А однажды у меня случилась остановка сердца... Девочки потом рассказывали, что сбежались врачи, суетились у моей кровати... Но остановка оказалась краткой, и мне снова продлили жизнь...

А вот Люда, моя соседка по палате – умерла. Ночью. Но я ничего не слышала – спала под воздействием лекарств, отдыхая во сне от постоянной боли... Когда я утром проснулась – Людина кровать была пустая. Тело уже увезли, а постель была чистая, аккуратно заправленная в ожидании новой больной. А ведь вечером всё было, как обычно: мы с Людой вспоминали интересные эпизоды нашей недолгой ещё жизни. Усыпая вечером, ни я, ни Люда не знали, что это был последний наш с ней разговор на этой Земле. Обе мы были лежащие тяжелобольные, у нас над кроватью были кнопки, нажимая на которые, мы могли вызвать дежурных медиков... Когда Люде стало очень плохо, она проснулась и успела нажать на эту кнопку... но спасти её не смогли... не дождалась она операции... Я попросила переложить меня в другую палату, и мне пошли навстречу, понимая моё состояние... А в этой

палате потом лежали два мальчика – оба с менингитом. Один из них от боли сильно кричал. Но в дальнейшем – оба они выздоровели и до самой выписки общались с нами. Один из них – Володя Лебедев - часто приходил ко мне в палату, даже объяснился мне в любви и подарил мне на память свою фотокарточку, сделанную в больничном садике, подписав её... Он очень хотел, чтобы я выздоровела, и мы встретились. А фотокарточка эта так и осталась у меня в альбоме...

В новой палате было четыре кровати... Девочки приходили, лежали одну-две недели и уходили домой, выписавшись. Они ухаживали за мной – лежачей. А я уже могла сидеть на постели – и это было здорово! Когда я садилась в кровати – мне казалось, что я становлюсь очень высокой, так как пол оказывался непривычно далеко внизу, ведь я долгое время лежала, и мозг, глаза – привыкли к определённому расстоянию до пола, а теперь он оказывался далеко внизу. Мироощущение менялось. Время шло. Я встала на ноги, снова начала ходить. И вот меня снова выписали, и я оказалась дома! Но ненадолго. Не прошло и месяца, как я снова оказалась в той же больнице... Следующие полгода меня трижды отправляли в больницу и выписывали, состояние ухудшалось... За то время, что я бывала дома – я начала заниматься фотографией! У нас появился фотоаппарат «Смена», мама купила мне книгу «Фотография», где подробно были описаны разные премудрости и тонкости этого дела: и как настраивать выдержку и диафрагму, и как строить кадр, и как и чем лучше печатать снимки, и на какой бумаге – в общем, это было интересно! Я много фотографировала и много экспериментировала, а мама была моей бессменной моделью. Много фотографий сделаны и во время моих коротких прогулок недалеко от дома. Количество альбомов с фотографиями начало расти... А ещё в то же время я начала заниматься шахматами. Этот единственный вид спорта был теперь мне доступен, так как в перерывах между больницами, я много времени проводила дома, осторожно передвигаясь, чтобы не спровоцировать

сердечный приступ. И шахматы, в которые я научилась играть ещё в три года – были теперь очень кстати! Это была «Гимнастика ума», они связывали меня с внешним миром, вносили разнообразие и новый интерес в мою отшельническую жизнь в замкнутом пространстве барачной комнаты. Мама съездила в городской Дворец пионеров и поговорила с руководителем шахматного кружка Юрием Разговоровым, рассказав ему обо мне и о моём желании играть в шахматы. Я очень благодарна Юрию за его чуткость и доброту, за то, что он так активно откликнулся на желание какой-то больной девочки начать заниматься шахматами и смог убедить ребят этого кружка помочь мне в этом! Удивительно, но я оказалась первой девочкой в этом кружке. До этого, там занимались одни мальчики. Юра отправил ко мне домой двух шахматистов, которые на первом же занятии показали мне какие-то дебюты, сыграли между собой партию в шахматы при мне, объясняя мне необходимость определённых ходов, показали, как надо записывать шахматную партию, тут же оставили мне несколько бланков для записи партий, заполнив два из них, записав свои первые ходы и уехали. А я достала книгу Майзелиса «Шахматы» и начала изучать её. Через некоторое время, я заполнила несколько бланков и записала первые ходы в них, также записала ответные ходы на тех бланках, что мне оставили мальчики. Два раза в неделю мама ездила во Дворец пионеров, отвозила мои бланки, ребята там же писали мне в них ответные ходы, и мама привозила бланки мне, а я, продумав ответы – записывала их на бланках и так далее. Таким образом, я начала участвовать в работе шахматного кружка, понемногу изучая учебник Майзелиса. Иногда ребята приезжали ко мне домой, и я играла с ними по несколько партий. Постепенно появлялся прогресс в моей игре. Но ездить во Дворец пионеров я пока не могла по состоянию здоровья.

В это же время мама активно писала письма в разные инстанции, чтобы нашу комнату утеплили. Дело в том, что наша квартира, вернее, комната в бараке, первоначально предназначалась под общебарачную кухню. Видимо,

желающих получить жильё было много, поэтому все кухни в пяти выстроенных в ряд бараков, переоборудовали в жилые комнаты. Наше жильё представляло собой большую комнату в двадцать квадратных метров с одной входной дверью и двумя большими окнами на противоположной стороне, подобно всем остальным комнатам барака. Разница была лишь в том, что одной своей стеной она примыкала к холодному входному коридору. Стена эта, видимо, по причине планового расположения здесь общей кухни – не была достаточно утеплена – ведь на кухне всегда работают плиты, и температура, как правило, выше обычного. К тому же, две входные двери с закреплёнными на них в зимнее время пружинами, хлопали резко, сотрясая стену и способствуя осыпанию стандартного утеплителя, что года через три привело к тому, что эта стена стала очень ощутимо охлаждать нашу комнату. Более того, отопление в бараке было проведено так, что в наши батареи вода попадала в последнюю очередь, обогрев предварительно все комнаты барака, успев слегка остыть. От всех этих причин наша светлая просторная комната в зимнее время сильно охлаждалась, температура в ней опускалась до трёх градусов тепла, о чём моя мама неоднократно составляла акты, а соседи своими подписями подтверждали достоверность этого факта. Мама много и долго писала в разного рода административные органы, что она с двумя детьми живёт в такой холодной комнате, а дочь её – ревматик. К своим заявлениям мама прилагала акты, подписанные соседями. Она требовала, чтобы нам утеплили стену и провели ремонтные работы, чтобы батареи наши стали горячими, а не чуть тёплыми. Ничего не сумев добиться, мама написала письмо в ООН о том, в каких условиях живёт больной ребёнок. Естественно, ни до какого ООН её письмо не дошло. Однажды вечером раздался стук в дверь. Я открыла, на пороге стоял крупный, упитанный, хорошо одетый мужчина, он спросил меня, здесь ли проживает Кирилец Анна Алексеевна, и дома ли она в настоящее время? Его вид не предвещал ничего хорошего. Я сказала, что мама дома. Тогда он решительно вошёл в дверь и увидев маму, не здороваясь, воскликнул: «Вы сумасшедшая или

провокатор?» Мама попросила его минуточку подождать и выпроводила меня к соседям на время их неприятного разговора. Мужчина оказался представителем власти: то ли от горкома партии, то ли от Совета депутатов. Проговорили они около часа. А вскоре после этого нам утеплили стену, навесили дополнительные батареи и перенаправили поток горячей воды так, что она поступала вначале в нашу квартиру, а потом уже – по всему барaku. В комнате стало очень тепло: до 28-32 градусов тепла. Я наслаждалась таким теплом, а мама удивлялась, что я – сердечница и хорошо переношу такую жару, в которой даже ей тяжело становилось. Вскоре по маминой просьбе, нам установили вентиль на батарею, и мы могли регулировать их температуру. Мама его прикрывала, а я, когда оставалась одна – открывала его до конца, и наслаждалась этим тропическим теплом! Получив десять лет назад нашу комнату, мама вскоре решила её благоустроить: разделить жилое помещение от вспомогательного, то есть спальне-рабочую комнату от столово-кухонно-туалетно-умывального пространства. Она тогда работала машинисткой в Барнаульском строительном управлении и официально заказала там ремонтную работу: нам поставили плотную деревянную перегородку с небольшим окошечком и дверью на расстоянии полутора-двух метров от входной двери. Так что в светлой комнате мы спали, занимались, играли, общались с друзьями, праздновали. В подсобном помещении – готовили еду, при этом дверь в комнату закрывали, а в коридор открывали: там система вытяжек от сквозняков работала хорошо, так что вся гарь выходила на улицу. При входе в комнату торцом к стене стоял большой трёхстворчатый шифоньер, отделяя некоторое пространство от всей остальной комнаты. За шифоньером стояла кушетка, на которой можно было спать, оставаясь невидимой для тех, кто был в комнате. Это пространство мы называли «Красный уголок». Даже написали это на задней стенке шифоньера, дверцы которого были с противоположной от «красного уголка» стороне. Так что, въехав в одну большую комнату, мы сделали из неё как бы

две комнатки и кухню, что было для меня очень удобно, так как я любила небольшие замкнутые пространства.

В бараке были предусмотрены и умывальник с туалетом, но жильцы отказались от туалета, так как убирать его никому не хотелось, а терпеть внутри барака нехорошие запахи – тоже никто не хотел. Поэтому в умывальнике оставили лишь кран с холодной водой, а туалет переоборудовали в маленькую комнатку, где поселилась молодая пара без детей. Туалет построили метрах в тридцати сразу для нашего и соседнего барачков. Это был деревянный побеленный домик, разделённый внутренней глухой перегородкой пополам на женскую и мужскую части: три дыркоместа открытого типа без перегородок в женской половине, и то же самое – в мужской. В каждом бараке было по двадцать комнат, в каждой комнате в среднем человек пять: родители, дети, а то и бабушки с дедушками. Таким образом, этот домик посещало около двухсот человек, которые кроме естественных для этого места действий, делились новостями, своими проблемами, обсуждали события в стране и за рубежом, высказывая своё мнение, споря, доказывая что-то друг другу. Иногда в разговор вступали посетители обеих половин, заканчивая такие разговоры уже на улице, рядом с этим импровизированным политклубом. Ничего подобного я больше никогда нигде не видела. Зимой споры затихали – слишком холодно, и все спешили быстрее вернуться домой. Чтобы дети не морозили зимой свои попы - им ставили в угол у порога ведро, которое ежедневно выносили в помойную яму за туалетом и тщательно промывали. Мусорных пакетов тогда не было, поэтому в вёдра выбрасывали всё: и остатки пищи, и сухой мусор. Кто мыл полы – тот и следил за чистотой ведра, то есть, мы с Валеркой по очереди. В каждой комнате, слева от порога, стояли чугунные печи, которые нужно было топить углём или дровами. Но ими не пользовались ежедневно. Пищу в основном варили на керосинках – металлических емкостях на ножках с подставкой наверху. В ёмкость наливали керосин, сверху выводился

фитиль, смачивающийся керосином. Откручивая вентиль на керосинке, регулировали подачу керосина в фитиль, который поджигали спичками. Разное положение вентиля могло дать как очень сильный огонь, так и очень слабый, что было удобно при приготовлении пищи. Сверху на подставку ставили кастрюли или сковороды, где и готовили еду. А чтобы гарь от этого открытого огня и пары варева не ухудшали воздух в комнате – эти керосинки каждый выставлял возле своей двери на табуретку в коридор. Поэтому, когда большинство готовило еду – ходить по коридору надо было осторожно. За десять лет, что я прожила в этом бараке - не было ни одного несчастного случая с этими керосинками, ни одного пожара – люди, да и дети были какие-то удивительно осторожные и ответственные! Через какое-то время у всех появились электроплитки с открытой спиралью, и приготовление пищи перешло в комнаты. Но использование электроплиты было дороже, чем керосинки, поэтому, жители не скоро окончательно перешли на электроплиты. Керосином заправляли и лампы со стеклянным колпаком. Когда по каким-то причинам вдруг отключался свет – мы пользовались этими лампами, от которых было достаточно света: даже уроки можно было делать. Благоустройство быта – только начинало развиваться по всему миру. А в нашей стране, выбирающейся из военной разрухи, каждой семье стремились бесплатно предоставить отдельное жильё. Какое-то жильё было у всех - бездомных не было! А в наших бараках было сухо, тепло и уютно: электричество, вода и центральное отопление очень существенно облегчали людям жизнь! Но и чугунные плиты, растапливаемые углём и дровами – пока ещё стояли в комнатах. Эти плиты, керосинки и керосиновые лампы позволяли людям сохранять привычный образ жизни при любых авариях в электросетях. Сейчас при отключении электричества люди встают в стопор: как разогреть хоть чашечку чая? Урбанизация требует подобных жертв. Но в то время люди могли быть независимы от центральных сетей: батареи не греют – затопили плиту, свет погас – включили керосиновую лампу, а еду приготовили на керосинке! Но теперь мы потеряли эту независимость:

цивилизация несёт блага, но блага эти хрупки. Итак, сохраняя отопительные плиты, жители закупали осенью дрова и уголь, хотя бы в небольшом количестве и хранили их в подсобных помещениях – в сараях, которые были построены метрах в двадцати напротив бараков. У каждой семьи было в сарае небольшое помещение, закрывающееся на висячий замок. В этих помещениях жители складывали не только дрова и уголь, но выкапывали погреба, где хранили овощи и банки с соленьями и вареньями. А ещё в бараке было несколько человек – любителей голубей. Они достроили на крыше сарая голубятню, куда пускали посмотреть голубей и нас – ребятишек. Мы держали голубей в руках, кормили их, запускали, кидая в небо, а потом свистели им вслед, чтобы они выше поднимались. Голуби были разные: белые, сизые, кофейного цвета. Это было необычно и интересно!

В сентябре 1964 я попала в больницу последний раз, в тяжёлом состоянии. Через неделю я начала понемногу вставать. И тут произошло удивительное событие! Мой брат, учившийся в ВУЗе другого города, приехал на несколько дней домой, а вместе с ним в гости приехали два его товарища: Миша и Боря. Валера решил навестить меня в больнице, его друзья тоже пошли с ним. Кто-то из девочек зашёл ко мне в палату и сказал, что ко мне пришёл брат. Я встала с кровати, накинула халат, открыла дверь, ведущую в коридор и... меня сразил наповал взгляд двух тёмных, блестящих, жгучих глаз молодого парня, одетого в красный свитер, который тут же улыбнулся мне, протягивая руку и пожимая мою ладонь: «Боря» - представился он. Мне показалось, что я схватилась за оголённый электрический провод, меня как будто с огромной силой стукнуло какой-то взрывной энергетической волной, как будто каждая молекула моего организма высоко подпрыгнув, громко закричала: «УРА!», как будто вспыхнул яркий свет: полыхнуло счастьем! Меня о чём-то спрашивали, я что-то отвечала автоматически, может, и невпопад – не помню. Потом они

ушли, а передо мной всё блестили и блестили эти жгучие глаза, этот изумительный взгляд на потрясающе вдохновенном лице! Это было какое-то безумие: безумие сердца, безумие души, моё внутреннее безумие! В душе, как в Космосе: от этого первоначального взрыва открылось новое пространство, заполненное ИМ. Я могла погружаться в это пространство и находиться там, общаясь, разговаривая, любуясь! Я оберегала это пространство от посторонних, не позволяя ни капельки выплеснуться наружу! Это была волшебная страна моего счастья! Никто-никто не должен был знать об этом! Несколько следующих лет я жила с этой сказкой! А виновник всего этого даже не подозревал, какое мощное воздействие он произвёл на девочку-подростка, случайно оказавшуюся на его пути. Потом он прислал мне письмо, и мы даже немного переписывались. Но слова казались такими жалкими, такими ничтожными! ...Его женитьбу через несколько лет – я переживала очень болезненно. Возникавшие позже симпатии казались блеклыми и примитивными, пока судьба ни осветила подобной вспышкой мою жизнь ещё однажды – когда я встретила своего мужа, но об этом - позже.

Вернёмся к дальнейшим событиям. Улучшение моего состояния было очень коротким. Через пару недель я снова перешла на постельный режим. Попытки поставить меня на ноги были тщетными. С кровати я уже не вставала. Рядом с нашей палатой находилась ординаторская, и когда в коридоре бывало тихо, а дверь ординаторской приоткрыта – разговоры врачей в ординаторской – были слышны. Врачи часто обсуждали лечения, назначения, течение болезней и т.д. И вот однажды я услышала, как речь зашла обо мне. Мария Христиановна говорила, что результаты лечения мизерные, улучшений почти нет, что она уже всё, что можно, сделала, но сейчас в Ленинграде появилось новое средство, которое проходит клинические испытания. Мария Христиановна решила назначить его мне, так как больше ничего не помогает... Услышав это, я задумалась. Мне совсем не

хотелось быть подопытным кроликом. А по разговорам я поняла, что больная я безнадежная. Ну и зачем мне умирать здесь, в больнице? Лучше уж дома – там нет казённой обстановки, там привычное окружение, мать, проигрыватель с пластинками, любимые песни, книги... Там можно быть наедине с собой, никто не будет бегать, дёргать, колоть, скармливать массу этих ненужных таблеток... лечение всё равно ненужное и бесполезное. Брошу все таблетки. Буду блаженствовать дома, не видя этих белых халатов. Уж если умирать, то получая удовольствие, если так можно говорить, конечно...

Дождавшись, когда мама придёт в больницу, я передала ей услышанный разговор и сказала, что я очень прошу её забрать меня домой, потому что подопытным кроликом я быть не хочу и не буду! Когда возражения мамы были исчерпаны – я поняла, что она уже согласилась со мной. Вскоре мама забрала меня домой, подписав заявление об отказе от дальнейшего лечения своей дочери, под свою ответственность. На носилках, в скорой помощи – меня привезли домой. Я снова очутилась на своём любимом диване, среди пластинок и книг...

Мама уходила на работу, придвинув к моей постели пару стульев, на которых лежали нужные мне книги, тетради, ручки и стояло радио. Я оставалась одна дома – читала книги, делала выписки из них, слушала радио, подолгу лежала, размышляя; даже стала записывать мысли, которые приходили в голову. Оказывается, жить, не отрывая больного тела от кровати – тоже может быть интересно, особенно, когда боли в сердце почти проходили и дышалось легко!

Я, конечно, понимала, что помочь мне никто не сможет и боли мои не уберёт, что со своей болью человек остаётся наедине и вынужден её терпеть. Мысли о неотвратимости скорой смерти – становились привычными и

обыденными, как у любого человека, осознающего неотвратимость смерти, просто другие люди могут двигаться и что-то делать, а я – вынуждена лежать, не двигаясь. Вот и вся разница. Конечно, мне всего четырнадцать лет, хотелось бы жить, но много было и таких, кто не доживал и до такого возраста, а я всё-таки уже дожила. Но мыслям о смерти я постепенно научилась перекрывать дорогу к собственной голове на самом подходе. Я научилась распознавать ощущение, следом за которым в голову вползали подобные мысли. Поэтому, как только я улавливала это ощущение, я тут же переключала внимание на какие-нибудь яркие эмоции, заставляя себя вспоминать или мечтать. Когда дома была мама – я смотрела телепередачи, слушала пластинки с любимой музыкой, которые мама ставила на проигрыватель по моей просьбе – это ещё более разнообразило мою жизнь. Читая книги, смотря телевизор, слушая радио – я вместе с героями проживала их жизни, боролась, радовалась, страдала, побеждая их врагов. Тогда я поняла, что сопереживание – расширяет горизонты собственного мира, многому может научить. Вначале мне было обидно, даже завидно, что я-то никогда не буду взрослой, не смогу ничего совершать, жить, действовать... Но чувство это было противным, каким-то нечистым, и мне было за себя неприятно и совестно. Я его давила, потому что оно мешало мне. И постепенно оно вообще исчезло. Я искренне восхищалась героями, радовалась их успехам, как своим. Мысли, типа: «жаль, что я так не могу и не смогу уже никогда» - сменились радостью, что есть же на земле такие люди, которые могут бороться за справедливость, добро, побеждая зло! Меня это очень радовало! Я пыталась понять, ПОЧЕМУ деятельность одних людей направлена на какие-то добрые дела, деятельность других – на то, чтобы мешать их добрым делам, деятельность третьих – на то, чтобы всё, что можно, подгрести себе, да побольше и т.п.. Чем все эти люди отличаются друг от друга? Чем вторые отличаются от первых? Почему они не могут найти для себя какого-нибудь полезного дела и заниматься им, вместо того, чтобы мешать первым делать добро? Или почему первых оскорбляет даже

подозрение в том, что они хотят получить для себя какую-то выгоду, а третьи всю жизнь безо всякого стыда делают только то, что им выгодно, от чего лично они получают какую-нибудь выгоду, и никогда не станут делать ничего, что не принесёт им хоть какую-то прибыль...

Это были важные вопросы! А можно ли сделать так, чтобы все люди стремились делать добрые дела, а не мешать другим это делать? Может быть добро присуще талантливым, а злодеи – бесталанные? Но нет! Талантливыми бывали и злодеи, и эгоисты, и даже хапуги... Так почему же одни сеют добро, а другие – зло? Значит, мало, чтобы человек был талантлив – важно ещё что-то! Может быть, важным было чтобы каждый человек нашёл дело, область деятельности, которая его увлечёт – и злодеи переродятся в героев?.. Читая книги, слушая радио, я, естественно, отождествляла себя с положительными героями, внутренне понимая, что «и я так смогу!». Я всё делала вместе со своими героями! И я радовалась, что я совсем не похожа на тех, кто им мешал, а похожа на самих героев... И если в дальнейшей жизни я вдруг замечала появление у себя таких черт характера, которые я считала отрицательными – я с корнем вырывала их из души, головы, из сердца. Так я строила себя, предъявляя определённые требования, стремилась быть искренней с самой собой, даже когда очень не хотелось осознавать наличие в себе того негатива, который был мне неприятен. Но надо было честно себе признаться: это есть! Но это нужно убрать! И я это делала. Такая борьба, когда она приводила к победе, вызывала чувство самоуважения, доставляя дополнительные радости мне – четырнадцатилетней, прикованной к постели девочке. В общем, мне совсем не было скучно, особенно, когда сердечные боли прекращали мучить меня. Я мечтала кого-то спасти, бороться со злом, чтобы всё было справедливо, чтобы всё улучшалось: люди, общество, весь мир...

У меня возникало ощущение, что я мысленно разговариваю вроде бы сама с собой, а вроде бы и с кем-то (сейчас бы сказали – с высшими силами), кому я могла не только внимать, но и спорить, доказывать что-то, кого-то оправдывать... Я пыталась понять причины зла. Ведь они были, эти причины, которые хоть и не оправдывали зло, но делали понятным его зарождение и существование... В дальнейшем, знакомство с астрологией помогло мне понять, что моя склонность к самоанализу, самовоспитанию и к воспитанию других – объясняется тем, что по знаку зодиака я – рак, а стремление бросаться в бой за справедливость – тем, что я родилась в год тигра... Можно, конечно, скептически относиться к астрологическим знаниям, но связь зодиака с характером человека я, всю свою жизнь занимаясь педагогической деятельностью, - прослеживала всегда...

Прошли новогодние праздники, январские морозы, февральские метели, началась мартовская оттепель. Яркое солнце заполняло всю комнату, а я лежала в тишине и слушала через приоткрытую форточку, как капли падают с крыши и с бульканьем плюхаются в лужу под окном. Наступала весна...

Однажды мама, вернувшись домой, начала мне так остороженько говорить: «Ты знаешь, Татьяна, я нашла одну старушку, которая лечит не лекарствами, а молитвами и шёпотом. Может быть, нам попробовать – пригласим её, чтобы она тебя посмотрела?» «Ну какие старушки, мама? я – пионерка! Не хватало мне ещё молитв!» Я была настроена категорически против: шёпоты, молитвы – это как-то чужеродно, не по мне, это было против моих принципов атеистки-пионерки. Это уронило бы меня в собственных глазах! Около недели мама меня уговаривала, упрашивала, умоляла, даже плакала, хотя бы ради неё попробовать такое лечение! В конце-концов, скрепя сердце, я согласилась. Я уже свыклась с мыслями о смерти, а теперь меня заставляли пойти на сделку с собственной совестью...

На душе было гадко. Я не хотела становиться приспособленцем, нарушающим свои принципы. Я абсолютно не верила в то, что меня сможет вылечить старушка каким-то шёпотом! Моим лечением почти два года занималась лучший кардиолог Алтайского края! А тут придёт старушка, пошепчет и вылечит – ну не бред ли это? Ладно, пусть мама убедится сама, что это полнейшая чушь!

Через несколько дней после моего согласия, пришла старушка: маленькая, сухонькая, лицо покрывали морщины, но черты лица были очень красивые, глаза большие, не по старушечьи ясные. Мама, видимо, рассказала ей о моих переживаниях, потому что она сразу заговорила: «Да ты не переживай, деточка! Ко мне приходят лечиться и врачи, и даже учёные, профессора.» Я попыталась себя сразу оправдать: может, это и не очень большое зло, что я иду против совести – я же из-за мамы, чтобы ей было спокойнее. Старушка осмотрела меня и говорит: «Ну вот, деточка, я три раза приду тебя полечить, потом будет перерыв, а следующие три раза ты уже сама ко мне домой будешь приходить на лечение». «Угу» - кивнула я, ухмыльнувшись про себя. Мне было любопытно, а что она будет говорить маме, когда придёт время мне идти к ней а я, естественно, не смогу. А мама такая радостная стала: «Вы считаете, что она сможет ходить?» А старушка ей отвечает: «Конечно! После того, как я трижды сюда приду, ей надо будет встать и начинать ходить, выходить на улицу, вначале погулять вокруг дома, и постепенно прогулки удлинять. А недели через три – прошу ко мне». Она поставила в кружке воск на плиту разогревать, а мама принесла ей миску с холодной водой. Когда воск разогрелся – я села на постели, а старушка тряпкой взяла горячую кружку в одну руку, а другой рукой поставила мне на голову миску с холодной водой и что-то зашептала себе под нос, очень тихо, слов не разобрать. При этом, она медленно вливала раскалённый воск в холодную воду. Когда она закончила шептать, она показала нам с мамой фигурку, получившуюся при остывании воска в холодной воде: фигурка

была похожа на лающую собаку с открытой пастью. Старушка сказала, что меня в детстве испугала какая-то собака, из-за чего и начало болеть сердце, и что она вылила этот испуг. Я вспомнила, как меня укусила собака... и удивилась, что старушка так точно угадала это событие. Она попросила маму сохранить эту воду, так как ещё дважды будет в неё воск лить. Старушка ушла, а у меня в этот день почти не было болей в сердце, и это было удивительно, с моим-то скептическим настроением... После её второго посещения, я попыталась встать. Мама поддержала меня, пока я вставала на ноги – ого, как низко был пол! И я снова, как когда-то после долгого лежания, ощутила себя неожиданно выросшим гигантом – мироощущение менялось, как оно будет меняться ещё дважды при двух родах, когда мой вес увеличивался на 30-36кг, а потом на столько же уменьшался... Итак, я, бывшая безнадежная больная – встала на ноги! Это было, как в сказке: «По щучьему велению, по моему хотению». Ощущения от вертикального положения, самостоятельного передвижения и лёгкого головокружения были настолько необычными, что возникало чувство нереальности происходящего, вызывая холодок страха в груди. Я прошлась по комнате! После третьего сеанса шептания - старушка слила воду, в которую вливала воск, в бутылку, что-то нашептала, закрыла её крышкой и сказала, что я должна пить эту воду по столовой ложке два-три раза в день и допить её до следующего лечения, когда я к ней начну ходить. А жила она километрах в двух от нашего дома. Неужели через несколько недель я смогу свободно ходить? Я, два года пролежавшая в больницах и вернувшаяся домой на носилках? После этого сеанса лечения – я вышла на улицу и несколько минут постояла на крыльце барака! Это был праздник! На следующий день я сделала один прогулочный круг вокруг барака. Это было чудо! Я была бесконечно благодарна этой старушке, я была счастлива: теперь я всё смогу делать сама, главное – я могу самостоятельно двигаться! За те два больничных года я так устала от своей беспомощности и зависимости от окружающих!

С этого дня началось моё выздоровление: я совершала всё более длительные прогулки с фотоаппаратом и блокнотиком со стихами, которые продолжила учить наизусть, бродя по весенним улицам. Три недели пролетели, и мы с мамой пошли к старушке домой, чтобы завершить лечение и укрепить достижение. А после трёх походов на лечение и питья пол литровой бутылки нашёптанной старушкой воды – я была совершенно здорова!

Проходило лето... В больнице очень удивились моему неожиданному и непонятному выздоровлению, но посчитали, что полная школьная нагрузка может плохо повлиять на неокрепший организм, и дали мне справку о свободном посещении школьных занятий, то есть, занятия я могла посещать по моему усмотрению и самочувствию. Осенью я пойду в школу! Ура! Я вспомнила, с какой тоской я совсем недавно мечтала, что когда-нибудь и я, может быть, если повезёт – снова смогу ходить в школу! За те два года, что я провела в больницах, недалеко от нас выстроили новую школу. Два года я проболела, и теперь в седьмой класс я вынуждена идти не в 13, а уже в 15 лет... Но я была очень тоненькая, небольшого роста, что позволяло мне мимикрировать под тринадцатилетнюю семиклассницу, хотя я всё время внутренне ощущала себя взрослым человеком, окружённым детьми. И первое время особенно – мне было очень неудобно от этого. Но главное – я была здорова, и я была свободна! Времени у меня теперь много из-за свободного посещения школьных занятий, и я решила, что я смогу заниматься в различных кружках Дворца пионеров!

Во-первых, это, конечно, шахматный кружок, где я совершенно неожиданно для себя оказалась шахматным лидером среди девочек.

Во-вторых, это фотокружок, где нас учили правильно проявлять плёнки, грамотно строить кадр при фотографировании объектов, даже делать

цветное фото (мы печатали чёрно-белые снимки на матовой фотобумаге, а затем раскрашивали эти снимки масляными красками в естественные цвета), некоторые из которых сохранились у меня до сих пор, устраивали фотовыставки наших работ.

В-третьих, кинокружок, где мы снимали фильмы с нашим участием, а затем просматривали их, учитывая свои ошибки – проводили новые, более грамотные съёмки. Мы обучались различным эффектам: обратной съёмке, с замедлением, с ускорением... А вот процесс обработки плёнки был сложным и скучным. У нас был один киноаппарат, а нас было полтора десятка человек, к тому же нам, новичкам, нечасто доверяли держать его в руках, а тем более – работать с ним. Поэтому интерес этот быстро угас у меня.

В-четвёртых, кружок юных космонавтов. Вёл его очень старенький преподаватель, ему было около 70 лет. Говорили, что он когда-то работал в Звёздном городке, в котором ведётся подготовка космонавтов. Он устроил подготовку ребят по типу подготовки космонавтов: была у нас и сурдокамера, где в полнейшей изоляции, тишине и одиночестве подолгу находились кружковцы, испытывая свои нервы и свою психику. Это была каморка размером три на три метра, где было спальное место, стол, стул. Обшита она была изнутри звуконепроницаемым материалом, без окон, но с вентиляцией, так что извне действительно не проникало ни звука. Это было нелёгкое испытание – ни часов с собой, ни радио – полностью отрезаны от внешнего мира... Был у нас и снаряд для тренировки вестибулярного аппарата: огромное металлическое колесо, около двух метров в диаметре, закреплённое на мощной подставке. Ноги и руки испытуемого надёжно закреплялись на этом круге, после чего его сильно раскручивали в течение нескольких минут, затем останавливали и испытуемый должен был пройти ровно по прямой линии, нарисованной мелом на полу, не отклоняясь ни на шаг. Поначалу – почти все то падали, то раскачивались – это было смешно

остальным, но когда все попробовали этот снаряд – смеху поубавилось; а тем, кому удавалось проходить ровно по прямой после центрифуги (так мы называли снаряд) – увеличивали скорость вращения и время вращения. Со временем – у многих стало получаться успешно проходить это испытание. Мы проходили различную физическую подготовку, наш преподаватель рассказывал нам историю космонавтики, начиная с Циолковского, астрономию, мы мастерили модели ракет из фольги, картона и т.п. и учились делать расчеты полётов этих ракет, запуская их во дворе здания. Много ещё разного интересного мы изучали в этом кружке юных космонавтов. У нас даже была своя форма, в которой нам разрешалось ходить всюду, в том числе и в школу: белая кофточка, голубой (типа мужского) галстук, голубая юбка и голубая пилотка-эспаньолка.

Дворец пионеров – был настоящим дворцом, специально построенным для ребят: с залами, холлами и огромным количеством хорошо оборудованных помещений и классов для занятий школьников во множестве различных кружков. Были спортивный и танцевальный залы, и огромный актовый зал для концертов, слётов, спектаклей – с просторным холлом, в котором обычно устраивали ёлки, танцы, вечера. Находился Дворец в центре города, так что добираться до него было легко со всех уголков города. Любой школьник города мог записаться в любой кружок и заниматься в нём бесплатно. Кроме этого, все поездки ребят на концерты, на соревнования – оплачивались государством. Так, например, когда мы ездили на шахматные соревнования – и дорога, и проживание были для нас бесплатными, к тому же нам выдавали бесплатные талоны на обильное трёхразовое питание: завтрак, обед и ужин. Прикрепляли нас к какому-то, расположенному близко от места нашего проживания (гостиницы, общежития) кафе, где мы сытно и полноценно питались. Нужно заметить, что мы не были членами сборных олимпийского резерва - мы были обычными школьниками, занимающимися в кружках Дворца пионеров, которым грамотные и профессиональные

руководители помогали развивать свои творческие способности. Государство полностью оплачивало не только всё школьное образование, но и развитие творческих способностей каждого ребёнка, желающего заниматься каким-либо видом творческой деятельности. Дети занимались не только во Дворцах пионеров: по всей нашей огромной стране была налажена работа мощной сети бесплатных для детей художественных и музыкальных школ, кружков и спортивных секций. В каждой школе, в микрорайонах, районах, городах – были свои бесплатные кружки и спортивные секции. Каждый ребёнок мог приходить в любой кружок и бесплатно в нём заниматься; помещений, оборудования, спортивных снарядов – хватало для каждого! Это была огромная, хорошо развитая и эффективно функционирующая структура, которая кроме политических организаций (октябрятских, пионерских, комсомольских, партийных) – создавала суперблагоприятные условия для воспитания, творческого, духовного, интеллектуального и физического развития подрастающего поколения. Государство было ответственно за КАЖДОГО гражданина, помогая семьям растить детей, обеспечивая их бесплатным жильём (поточным методом возводились огромные жилые районы во всех городах страны, где заселялись миллионы простых граждан, бесплатно получая достойные условия для жизни), учёбой (в детских яслях, садах, в школах, училищах, техникумах, ВУЗах, аспирантурах, на всевозможных курсах повышения квалификации и переквалификации), лечением (кроме областных, городских, районных больниц и поликлиник, спортивных диспансеров, студенческих больниц, медики были в каждом детском учреждении, на каждом предприятии и учреждении), отдыхом (в лагерях, домах отдыха, санаториях, курортах, профилакториях). Это была мощнейшая гуманистическая система!

Но вернёмся к повествованию. Кроме четырёх кружков во Дворце пионеров, я ещё занималась в школьных спортивных секциях: волейбольной и баскетбольной, которые вёл наш учитель физкультуры – бывший

спортсмен. В волейбол мы часто играли во дворах своих домов, а в баскетбол учил играть меня мой брат-баскетболист ещё до того, как я попала в больницу. Он научил меня вождению мяча, разным приёмам забрасывания мяча в корзину, что у меня получалось неплохо. Занятия в спортивных секциях обычно проводились после всех уроков и по воскресеньям. После двух лет болезненной неподвижности, я с головой окунулась в это божественное пространство кружковой и спортивной деятельности! Сердечные боли и подобные проблемы меня теперь уже не беспокоили!

Я составила себе расписание занятий в кружках и секциях. В неделю в каждом кружке было по 2-3 занятия, значит, 12-18 занятий в неделю мне надо посещать только в кружках! А шахматные соревнования вообще ежедневно проходят! Да и самостоятельно надо заниматься, чтобы чего-то достичь. А ещё я после выздоровления – продолжила заниматься с ребятами из своего барака. Кроме обычных занятий с ними, я водила их на каток, ходила с ними на лыжах, на экскурсии, летом – загорать (их родители мне доверяли, и отпускали их со мной), а это тоже – время! Но и бросить их я не могла: они мне очень верили, поэтому ещё два года, пока мы ни получили новую квартиру и ни переехали из барака – я учила ребят всему, что знала и умела сама.

В школе я училась легко. Вначале я с удовольствием начала ходить в школу на все уроки, но вскоре поняла, что это нерационально – так впустую использовать своё время. Подача нового материала, да ещё раздробленного на мелкие параграфы, занимала 10-15 минут урочного времени. Остальное время шёл опрос для закрепления пройденного и припоминания старого материала всем классом, что меня немного раздражало и удивляло. Учитель, только что очень доходчиво объяснивший классу новый материал, тут же начинал задавать вопросы по этому материалу, а ребята затруднялись ответить. Мне это было непонятно – почему они не могут ответить на эти

простые вопросы или хотя бы повторить то, что только что говорил учитель? Или решить задачку, применив записанную на доске, только что выведенную формулу? Может, они не слушают объяснений учителя? Я даже пыталась разъяснить ребятам, что объяснения учителя надо слушать внимательно, чтобы всё было понятно сразу. Отвлекаться можно, когда объяснения уже закончены. Тогда они смогут экономить своё время - дома учить уже практически ничего не надо, а время можно будет потратить на кружки, чтение, спорт и т.п. Тратить время так впустую на выслушивание опросов, на решение или ответы у доски отдельных учеников – мне было очень жалко! И я, воспользовавшись свободным расписанием, стала много уроков пропускать, по несколько дней подряд вообще не появляясь в школе. Я нашла простой метод самостоятельного обучения: материал школьных предметов я изучала по учебникам сразу главами, или темами, а не параграфами, как обычно изучают в школе. Изучая главу сразу целиком, я могла просидеть и несколько часов, но целостное восприятие материала давало мне понять основную идею, разобраться в деталях и тонкостях изучаемого, глубже разобраться в теме. Такой метод изучения целостных кусков, а не мелкораздробленного материала я применяла в 1990-1998гг., когда занималась с дочерью школьной программой, готовя её к сдаче экстерном всех предметов школьной программы с седьмого по одиннадцатый классы, но об этом – позже. С ребятами из класса я подружилась, и они мне всегда сообщали о контрольных, самостоятельных, опросах и просили обязательно прийти, потому что я ведь многим успевала помогать решать, писать эти контрольные, кроме того, что занималась с ребятами во время перемен или после уроков. Я приходила, писала контрольные на отлично, заодно помогая друзьям и товарищам, и снова – свободна! Месяца через два-три на отчётно-выборном собрании класса меня избрали председателем учебного сектора класса. Так что я теперь была ответственна за всю успеваемость класса. Мы провели собрание, распределили, кто из сильных учеников с кем из слабых и по каким

предметам будет заниматься. И работа началась. Иногда наша учительница по математике Нина Васильевна доверяла мне вести уроки математики, рассказывать новый материал, проводить опросы и даже ставить оценки за опросы ребят в журнал. На уроках у меня был порядок, ребятам нравилось, как я провожу уроки, они говорили, что объясняю я понятно. Нина Васильевна приносила для меня на уроки журналы, где были задачи по математике повышенной трудности («Математика в школе» и др.) и давала мне их решать, пока класс изучал очередную тему или решали задачи по изученному материалу. Математика, физика мне всегда давались легко...

С осени шли городские соревнования школьников по шахматам: во время зимних каникул в Бийске должно было проходить командное первенство Алтайского края по шахматам среди школьников. Семь городов и населённых пунктов собирались выставить свои команды. Нужно было сформировать и команду Барнаула: три мужские доски и одна женская. Команда-победитель должна будет поехать в марте на зональные соревнования в Красноярск, где встретятся команды Сибири и Дальнего Востока. Я, естественно, принимала участие в этих отборочных турнирах. В результате, в городскую сборную попали: Рябов Валерий, Бессонов Володя, Стальбовский Олег и я. А на январские каникулы вся команда во главе с нашим тренером Юрой Разговоровым поехала в Бийск. Юра отвечал за результаты нашей игры: после каждого тура, мы с ним анализировали партии, разбирали ошибки, смотрели лучшие варианты комбинаций в наших партиях, Юра нам показывал партии наших следующих соперников, указывал на сильные и слабые стороны их игры. А вот руководителем, или представителем, команды, Юра взял мою маму. На ней лежала вся бытовая работа: покупка билетов туда и обратно, организация хороших условий проживания, контроль за питанием, здоровьем, досуг, в общем всё, что касалось быта. Разместили нас в опустевшем на каникулах общежитии интерната, мальчики – в двух спальнях, девочки – в третьей. Питались мы по

талонам от комитета физкультуры и спорта – три раза в день в ближайшем кафе – очень вкусно и сытно. Турнир проходил в огромном спортзале интерната, где рядами стояли столы, на которых были аккуратно расставлены шахматные доски с фигурами в ожидании начала игры. Рядом с каждой доской – белели шахматные часы. Регламент был обычный, турнирный: два с половиной часа на сорок пять ходов, то есть шахматная партия длилась не более пяти часов, после чего, если она не успевала завершиться, она откладывалась и доигрывалась в специально отведённый день – день доигрывания. А для тех, у кого не было отложенных партий, этот день был дополнительным выходным. Утром мы успевали позавтракать и шли на игру к десяти часам. Жеребьёвка, как обычно, прошла в день заезда, поэтому уже к началу первого тура огромная таблица результатов висела на стене, и каждый мог видеть актуальное положение своей команды в любое время. Результаты проставлялись сразу же после окончания каждой партии. В своих дальнейших частых поездках на шахматные соревнования, я всегда восхищалась грамотностью, чёткостью, отлаженностью, с которыми устраивались соревнования! Всё всегда было продумано, распределено заранее и готово к приёму спортсменов! Спорткомитеты работали очень профессионально! И игры, и быт, и отдых – всегда были прекрасно организованы! Итак, наша команда была несомненным лидером, шедшим весь турнир на первом месте, следом за нами по пятам – шла команда Славгорода. В последнем туре именно с ними нам и предстояло сразиться. На женской доске я шла на первом месте со стопроцентным результатом, в своей очередной победе я не сомневалась. Прошло уже более трёх часов с начала игры, кое-какое преимущество у меня уже было. Моя противница, видимо, устала и неожиданно «зевнула» ладью, то есть подставила беззащитную ладью под удар моей фигуры и успела оторвать свою руку от ладьи. Рука её тотчас дёрнулась, чтобы тут же схватить эту ладью, поставив её на другое, безопасное место, но правила нарушать было нельзя: пережидать запрещено! На глаза моей соперницы навернулись слёзы, она

умоляюще смотрела на меня, не отводя глаз, её взгляд молил меня о пощаде, о разрешении переходить, слезинка капнула на доску и растеклась блестящим пятном, девушка всхлипнула... На это неподдельное горе было трудно смотреть без сочувствия. Я не выдержала: «Переходи!» - очень тихо сказала я ей, благо рядом никого не оказалось в этот момент. Она радостно схватила фигурку и быстро переставила её на безопасное место, не сказав даже «Спасибо». А я дальше неудачно провела комбинацию и осталась в ничейном пешечном эндшпиле, потеряв пол очка. Эта ничья ничего лично для меня не изменила: я сохранила первое место на женской доске. Но я поддалась эмоциям и этим совершила грубую ошибку, которая могла повлиять на результат команды – так делать было нельзя! Валера и Олег уже сыграли свои партии, и чтобы сохранить чистое первое место, из двух партий, которые всё еще играли мы с Володиёй, отдать команде противника можно было только пол очка! А поскольку я сыграла вничью, то Володя обязан был выигрывать, хотя у него на доске была очевидная ничья! Если бы я не позволила противнице переходить, а сразу выиграла, то Володя тут же мог согласиться на ничью, и мы сразу становились победителями! Но я этого тогда не знала. А теперь ему предстояла труднейшая задача – выиграть ничейную позицию. Значит, что-то надо обострить, создав предпосылку для проведения выигрышной комбинации, а обострение могло привести и к проигрышу, и тогда не мы становимся победителями... Это был мне хороший урок: в команде нельзя поступать так, как поступила я, нельзя дарить команде соперников очки! В личных соревнованиях ты можешь решать сама, да и то, если ты представляешь только себя, а не являешься представителем какого-то региона. Я могла победить сразу и быстро, но я совершила грубейшее нарушение, и теперь за это «отдувался» Володя. Я его таким образом просто подставила. Но Володе в сложнейшей борьбе удалось переиграть соперника, и он выиграл партию! Для нас он стал героем дня! Мы заняли первое место, но мне было очень стыдно за свою слабость! Мне хотелось забыть о ней! Ведь никто не знает и не узнает, почему я сыграла

вничью! Моя противница, естественно, не станет этого нигде рассказывать – ведь она нарушила правило. Я пошла прогуляться по весенним улицам, чтобы заглушить муки совести, но они разрастались. Чувствовала я себя очень гадко, понимая, что я обязательно должна рассказать об этом Юре, открыто повиниться и извиниться перед Вовой, что я его так подставила! Я вернулась в общежитие, где наша команда обсуждала сегодняшнюю игру. Настроение у всех было отличное! Ребята поздравили меня с первым местом среди девочек, удивляясь моему грустному виду. Мне ужасно не хотелось вызывать огонь на себя, не хотелось портить им настроение, но умолчать – было бы трусливо и непорядочно. И я всё им рассказала. Ох и досталось же мне от ребят! Правда, Юра успокаивал ребят и меня, говоря, что я и сама поняла, что в командных соревнованиях надо думать не о себе и своих эмоциях, а о команде и её результатах! Он был прав: никогда больше я не жалела своих соперников за шахматной доской - ни в командных, ни в личных соревнованиях. Теперь в марте мы едем в Красноярск! Мы победителями вернулись в Барнаул, где меня ждали школа, кружки и спортивные секции...

Наступил март. В Красноярск мы ехали, зная, что вряд ли там мы сможем выступить так же успешно, как в Бийске: Очень сильна была Новосибирская команда, да и в Омске, Томске ребята были не слабые... Команда состояла из четырёх мужских досок и двух женских. Подружившись в школе с моей одноклассницей Ниной Гордейчик и узнав, что она немного играет в шахматы, я привела её во Дворец пионеров, и мы с ней вместе стали ездить на занятия. Через некоторое время игра у Нины заметно улучшилась, а когда встал вопрос о поездке в Красноярск, то я предложила её в команду, так и получилось, и мы с ней вместе туда поехали. Как и ожидалось, заняли мы третье место после Новосибирска и Томска. Но это был ещё один наш опыт работы в команде. В Красноярске я купила свой первый подарок маме на сэкономленные мной деньги: отрез голубого с белыми шарами материала,

из которого она сшила себе сарафан, проносив его более сорока лет, и материал этот не вылинял и не прохудился – качество советской промышленности было довольно высоким!

В мае 1966 года я попала в больницу с тяжёлым сердечным приступом, пролежав там около трёх недель. В это время в больнице проводил консультации приехавший в Барнаул профессор Карпов. Меня, как «интересную больную» решили ему показать. Я лежала на столе, посреди большого зала, а профессор и его окружение – большое количество врачей и студентов-медиков – долго опрашивали, осматривали, обстукивали, общупывали меня. Затем профессор сказал, что сердце у меня совершенно здоровое, а вот печень – больная, именно её и надо лечить. Это было ново и неожиданно! На следующий день мне назначили кучу других лекарств, а через некоторое время – благополучно выписали из больницы! Долгое время я не вспоминала о сердечных болях. Выйдя из больницы, я прекратила посещать фото и кино кружки, кружок юных космонавтов, волейбольную и баскетбольную секции. Активнее занялась шахматами, математикой, фотографией.

Неожиданно моя мама попала в больницу с острым приступом холецистита. Приступ начался поздним вечером. К ночи я вызвала скорую помощь и поехала с мамой в больницу. Её там осмотрели и положили, было около двух часов ночи. А я шла пустынными ночными улицами домой, и мне было очень грустно и тревожно за маму. Когда я оказалась дома одна – мне стало совсем не по себе: я очень боялась ночного одиночества. Я с детства не любила находиться в темноте одна в помещении: я ощущала присутствие рядом каких-то духов, вроде они как люди, но я их не вижу, мне казалось, что я понимаю, что они думают или говорят, то между собой, то мне... И это было не совсем приятно, как-то нечестно с их стороны: они меня видят, а я их нет, как будто они в шапках невидимках прячутся и не

хотят, чтобы их видели. Мне казалось, что если они разрешат себя увидеть, то я их увижу, но они этого не хотели, а сами наблюдали, как в замочную скважину. Это постоянное присутствие НЕЧТО я ощущала с раннего детства. Когда мне было три года, и мы с мамой гуляли в лесу – она никак не могла понять, почему я требовала быстрее поехать домой, когда мне потребовался туалет. Мама сердилась: «Ну ты же видишь – здесь никого нет, сядь там под кустик!». Но для меня это было невозможно, присутствие их я чувствовала, они везде, они меня видят – как же я могу это сделать? Всё равно, что на людной площади... так что длительную прогулку маме я сорвала тогда. Мама потом долго изумлялась – взрослые и то в лесу не стесняются, если им приспичит, а тут трёхлетний ребёнок проявляет такую щепетильность и упрямство. Она даже знакомым рассказывала об этом случае, вызывая и у них удивление. А я не могла ей объяснить свой поступок, вроде как они дали мне понять, чтобы я ничего о них не рассказывала никому. Это было их тайной, что они всегда среди нас, что они видят нас, а мы их нет. Они были разные: и дружественные, с которыми было уютно и хорошо, и недружелюбные, с которыми было таинственно, неприятно и страшновато. Так вот, вернувшись домой из больницы, в которой осталась мама, я сразу же легла спать в «красный уголок» на диванчик, укрывшись с головой одеялом. В комнате стояла полнейшая тишина. Я хотела одного – быстрее бы наступило утро! Надо было скорее уснуть! И мне это почти удалось, я уже задремала, когда вдруг раздался звук, разбудивший меня: это дверца шифоньера, скрипнув, медленно начала открываться... я затаилась. Следом за скрипели половицы, как будто кто-то, выбравшись из шифоньера, тихонько на цыпочках блуждает по комнате... Мне стало жутко. Захотелось вскочить и убежать на улицу. Но чтобы это сделать, надо было вскочить, растолкав ИХ, проскочить мимо открывшейся дверцы шифоньера, обогнув его, забежать на кухню и захлопнув дверь, закрыть её на замок, а затем – быстро накинуть верхнюю одежду, обувь и, схватив ключи, выскочить в коридор, закрыв входную дверь. Я даже свет не успею включить: быстрее – вон, быстрее – на

улицу! Но на это надо было решиться. Я чувствовала сильнейший страх и сильнейшую опасность, которую мне может причинить это нечто, источающее зло. Пока я представляла, как мне нужно выскакивать – я вдруг почувствовала лёгкое прикосновение к моему одеялу. От ужаса сердце яростно забухало, дышать стало тяжело. Я очень медленно и осторожно стащила одеяло с головы, приглушая дыхание, внимательно прислушиваясь и ожидая увидеть перед собой что-то страшное, но никого не увидела. И тут снова раздался вкрадчивый звук приоткрывающейся дверцы шифоньера... ну это было уже слишком!.. и я рванула вперёд... Одеяло полетело в сторону, огибая шифоньер, я со всей силы толкнула открывшуюся дверцу, захлопнув её, а выскочив на кухню – быстро защёлкнула замок двери перегородки, отделяющей комнату от кухни. Бегом вступилась в туфли, накинула плащ и с треском захлопнув за собой входную дверь с английским автоматическим замком, выскочила на улицу. Только теперь я облегчённо вздохнула и медленно пошла по пустынной улице уже второй раз за эту ночь, раздумывая: что же делать, и куда же мне теперь пойти, в три часа ночи? И тут же решила, что пойду к подруге – Нине Гордейчик, с которой мы ездили на шахматные соревнования. И я отправилась к ней. На улицах кое-где горели фонари, тускло освещая мокрый от дождя асфальт, по дороге мне встретились несколько ночных прохожих. Благополучно добравшись минут через двадцать до дома, где жила Нина со своей мамой, я постучала в дверь. Тишина. Я снова постучала, уже настойчивее... «Кто там?» - раздался встревоженный женский голос. «Это я, Таня, подруга Нины!» - тихонько ответила я. Женщина открыла, изумившись такой ночной гостье и впустила меня. Нина тут же проснулась, и они стали расспрашивать меня: что случилось? Я сказала, что маму скорая увезла в больницу, а я одна боюсь оставаться дома, где скрипят половицами какие-то призраки. А мама Нины вздохнула и говорит: «Девочка! Бояться надо не мёртвых, а живых! На улице опасностей в такое время больше, чем дома». Она постелила мне на полу. Я уснула и мне было спокойно и хорошо... Я была не согласна с мамой

Нины: чего бояться на улице, когда это была наша естественная среда обитания? И потом: ночью на улице можно встретить только взрослых, а их-то чего бояться? Это же не пацаны, которые вечно лезут в драку и не призраки... Вот так суетно прошла моя первая ночь после того, как маму положили в больницу. Утром мы с Ниной позавтракали, и я отправилась домой.

В дальнейшем, я ходила во Дворец пионеров, в школу, делала уроки, но ночами я не могла уснуть, а утром мне совсем не хотелось есть. Несколько дней я ходила голодная, не чувствуя голода и полусонная, не высыпаясь по ночам... Так я прожила одна около недели. Маму обследовали, сделали кучу анализов и выписали, дав ей направление на операцию, надо было удалить желчный пузырь, в котором обнаружили камни. Операцию назначили на конец июня.

Вскоре учебный год закончился, и мы приступили к ремонту класса. Нам предоставили краски, кисти, тряпки, вёдра. Разделившись на группы, все ученики нашего класса выполняли заданную каждой группе работу: белили, красили стены, полы, парты. Было очень весело, эта работа была для нас почти отдыхом! Класс наш засиял, светом и красотой, и все разъехались на каникулы! А после двадцатого июня маму положили в больницу на операцию, и я снова осталась одна. Приближался мой день рождения, мне исполнилось шестнадцать лет, и я должна была получить паспорт! Все документы для получения паспорта я собрала и отнесла их в милицию, где мне сказали прийти за паспортом сразу после дня рождения. Я была горда тем, что самостоятельно смогла всё сделать. Маме я ничего не говорила, решила сделать ей сюрприз, когда получу паспорт - принесу его ей в больницу и покажу: я теперь взрослая! Вскоре операцию благополучно сделали, а я получила паспорт! Маме уже разрешили вставать, и она прогуливалась по больничному садику, когда я принесла ей мой первый

паспорт! Меня поздравили все, кто был рядом с мамой, и с кем она уже успела познакомиться. Я фотографировала их, а они – меня. По дороге домой я купила коробку конфет, бутылку лимонада и отпраздновала это важное событие в моей жизни: теперь я официально являюсь самостоятельным гражданином страны, а не просто ребёнком. Вскоре маму выписали, и всё лето мы с ней и с моими подругами загорали на реке, гуляли по лесу, я много читала, фотографировала, играла в шахматы. Лето пролетело. Начался новый учебный год.

Приходовская Татьяна Михайловна

(28.06.1950-17.06.2021)

Мама писала эту автобиографию в 2012 году, затем долгое время собиралась дополнить и расширить многие моменты в автобиографии, и продолжить дальше (написала только до 16-летнего возраста) но всё время были разные дела, и не хватало времени. Поэтому публикуется в том виде, в котором текст остался...